

8(146)

Владимир Петрович Зинченко (10 августа 1931 — 7 февраля 2014, Москва) — советский и российский психолог, доктор психологических наук (1967), профессор (1968), академик РАО (1992). Один из основателей инженерной психологии и эргономики в России. Владимир Петрович Зинченко родился 10 августа 1931 года в семье известного психолога П. И. Зинченко. Родной брат Т. П. Зинченко.

Окончил отделение психологии философского факультета МГУ (1953). Кандидат психологических наук (1957). Доктор психологических наук (1967), профессор (1968), академик Российской Академии Образования (1992), вице-президент Общества психологов СССР (1968—1983), заместитель председателя Центра наук о человеке при президиуме АН СССР (с 1989), иностранный почётный член Американской академии искусств и наук (1989). Член редколлегии научного журнала «Вопросы психологии».

Педагогическая работа в МГУ (1960—1982). Организатор и первый заведующий кафедрой психологии труда и инженерной психологии (с 1970 г.). Заведующий отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР (1969—1984). Заведующий кафедрой эргономики Московского института радиотехники, электроники и автоматики (с 1984 г.), профессор Самарского Государственного педагогического университета.

Область научных исследований — теория, история и методология психологии, психология развития, детская психология, экспериментальная когнитивная психология, инженерная психология и эргономика.

С 27 мая 2011 года почётный доктор Тартуского университета.

Экспериментально исследовал процессы формирования зрительного образа, опознавания и идентификации элементов образа и их информационную подготовку решения задачи. Представил вариант функциональной модели зрительной кратковременной памяти, механизмов визуального мышления, творческого компонента творческой деятельности. Разработал функциональную модель

*95 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
10 августа 2026 г.*

ЗИНЧЕНКО
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
1931-2014 гг.

UNIVERSUM: ПСИХОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 8(146)

Август 2026 г.

Часть 1

Новосибирск
2026

ББК 74+88

U55

Главный редактор журнала:

Ходакова Нина Павловна – д-р пед. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Андруник Андрей Петрович – д-р пед. наук, проф.;

Бабаян Анжела Владиславовна – д-р пед. наук, проф.;

Вербицкая Наталья Олеговна – д-р пед. наук, проф.;

Виговская Мария Евгеньевна – канд. пед. наук;

Ежкова Нина Сергеевна – д-р пед. наук, доц.;

Зекерьяев Руслан Ильвисович – канд. психол. наук, доц.;

Иванова Светлана Юрьевна – канд. пед. наук, доц.;

Игнатова Ирина Борисовна – д-р пед. наук, проф.;

Кузьменко Наталья Ивановна – канд. пед. наук, доц.;

Маликов Рустам Шайдуллович – д-р пед. наук, проф.;

Насиханова Астра Захаровна – канд. пед. наук, доц.;

Писаренко Вероника Игоревна – д-р пед. наук, проф.;

Рулиене Любовь Нимажаповна – д-р пед. наук, проф.;

Сидячева Наталья Владимировна – канд. психол. наук;

Стоян Геннадий Владимирович – канд. пед. наук, доц.;

Ульянина Ольга Александровна – д-р психол. наук, канд. социол. наук, доц., чл.-корр. РАО;

Хасанов Навруз Баротович – д-р пед. наук.

U55 Universum: психология и образование : электронный научный журнал. — № 8(146). — Часть 1. — Новосибирск : Изд-во «Юниверсум», 2026. — 92 с. — Текст : электронный. — URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/category/8146> (дата публикации: 08.08.2026).

ISSN 2311-6099

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8

Учредитель и издатель: ООО «Юниверсум»

© ООО «Юниверсум», 2026 г.

Содержание

Статьи на русском языке

Педагогика

Теория и методика обучения и воспитания

- Подбор подходов к обучению школьников математике на основе соционического типа** 4
Белоглазов Олег Олегович

- Проблемы воспитательной работы со студентами высших учебных заведений в условиях цифровой и социокультурной трансформации образования** 16
Салахова Зумрат Насрединовна
Аронбаев Дмитрий Маркиэлович
Васина Светлана Михайловна
Аронбаев Сергей Дмитриевич

Профессиональное и высшее образование

- Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования о познавательном интересе и способы его формирования в образовательных организациях** 29
Гончарова Юлия Юрьевна

Психология

Общая психология и психология личности

- Психологическая зависимость покупателей от брендов** 37
Ельцова Арина Максимовна
Ардашева Галина Николаевна
- Магическое мышление в психологии: клинический ярлык, символическая логика и проблема скрытой магии психотехник** 47
Конкин Александр Сергеевич
- Формирование стрессоустойчивости медицинских работников путем внедрения тренинговой программы** 57
Николаев Дмитрий Ильич

Социальная психология

- Производство сомнений: кто и как манипулирует общественным мнением** 65
Богданов Руслан Ришатovich

Педагогическая психология

- Особенности совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы** 73
Закирова Лейсан Мударисовна
Сафиуллина Зульфия Нагимовна
- Методологическая культура в фокусе психологической безопасности авторских методов (психотехнологий)** 82
Тюлин Андрей Сергеевич

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПЕДАГОГИКА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Статья поступила в редакцию: 02.07.2026

Статья принята к публикации: 06.07.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 372.851

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23132

**Подбор подходов к обучению школьников математике на основе
соционического типа**

Белоглазов Олег Олегович

независимый исследователь, учитель математики

Российская Федерация, г. Химки

E-mail: zvonareva@sibsocionic.ru

Selecting approaches to teaching school mathematics based on socionic type

Beloglazov Oleg Olegovich

Independent Researcher

Mathematics teacher

Russia, Khimki

Аннотация

Цель исследования состоит в разработке методического основания для выбора способов объяснения, отработки и контроля школьного математического материала с учетом различий в обработке логической и интуитивной информации. Методология работы включает теоретико-методический анализ компонентов процесса обучения, содержательное сопоставление разделов алгебры и геометрии с соционическими макроасpekтами, а также классификацию устойчивых учебных затруднений по признакам тактика–стратегия и конструктивизм–эмотивизм. Показано, что соционические факторы не определяют цели и содержание обучения, однако могут использоваться как дополнительный ориентир при выборе способов мотивации, объяснения, тренировки и проверки решений.

Библиографическое описание: Белоглазов О.О. Подбор подходов к обучению школьников математике на основе соционического типа // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23132>

Выделены типичные затруднения разных групп учащихся: замедленное восприятие графических и образных конструкций, небрежность при выборе хода решения, вычислительные ошибки, трудности при поиске несостыковок и остановка решения при получении противоречивого результата. На этой основе предложены методические решения: пояснительные рисунки, индуктивное объяснение, алгоритмы самопроверки, способы поиска ошибок и разделение графическо-интерпретационной и вычислительно-аналитической частей задания. Сделан вывод, что индивидуализация обучения может строиться не только на предварительной соционической диагностике, но и на наблюдении за повторяющимися учебными затруднениями. Практическая значимость работы заключается в создании методической карты для более точного подбора приемов обучения алгебре и геометрии.

Abstract

The aim of the study is to develop a methodological basis for selecting ways of explaining, practicing, and monitoring school mathematics material, taking into account differences in the processing of logical and intuitive information. The methodology includes a theoretical and methodological analysis of the components of the learning process, a content-based comparison of algebra and geometry topics with socionic macro-aspects, and a classification of stable learning difficulties according to the dichotomies tactics–strategy and constructivism–emotivism. The study shows that socionic factors do not determine the goals or content of instruction, but may serve as an additional guideline when choosing methods of motivation, explanation, practice, and solution checking. The paper identifies typical difficulties among different groups of students: slowed perception of graphical and visual-spatial constructions, carelessness in choosing a solution path, computational errors, difficulties in detecting inconsistencies, and interruption of problem solving when a contradictory result is obtained. On this basis, several methodological solutions are proposed: explanatory drawings, inductive explanation, self-checking algorithms, error-detection techniques, and the separation of the graphical-interpretive and computational-analytical parts of a task. The conclusion is that individualized instruction can be based not only on prior socionic assessment, but also on observing recurring learning difficulties. The practical significance of the study lies in developing a methodological map for selecting more precise teaching techniques in algebra and geometry.

Ключевые слова: соционика, соционический тип, школьная математика, алгебра, геометрия, индивидуализация обучения, методы обучения, учебные трудности, методическая карта.

Keywords: socionics, socionic type, school mathematics, algebra, geometry, individualized instruction, teaching methods, learning difficulties, methodological map.

Введение

Трудности при освоении алгебры и геометрии в 7–11 классах проявляются не только в недостаточном знании формул и правил, но и в способах восприятия условия, выбора хода решения, работы с графическими объектами и контроля вычислений. Аналитические материалы ФИПИ по ЕГЭ и методические материалы по ОГЭ по математике показывают, что

задания с развернутым ответом, геометрические задачи, задачи на доказательство и оформление решения остаются для значительной части учащихся зоной повышенной трудности [11; 12].

В методических рекомендациях для учителей обычно подчеркиваются необходимость систематической тренировки, разнообразия форм работы, использования наглядности и формирования навыков самопроверки. Вместе с тем остается недостаточно конкретизированным вопрос о том, по каким признакам педагог может выбирать тот или иной способ объяснения и отработки материала для разных учащихся.

В данной статье школьная математика рассматривается как базовая область технического мышления, поскольку работа с алгебраическими и геометрическими задачами требует формализации, алгоритмизации, анализа структуры и преобразования графических представлений.

Научно-практическая новизна работы заключается в сопоставлении устойчивых учебных затруднений при освоении алгебры и геометрии с соционическими признаками, описывающими особенности обработки логической и интуитивной информации.

Практическая значимость состоит в разработке ориентировочной методической карты, которую педагог может использовать при выборе способов объяснения, тренировки и контроля.

Предлагаемая модель рассматривается как гипотетико-прикладная и не предполагает жесткого распределения учащихся по методам обучения на основании одного лишь соционического типа.

Методология исследования

Исследование носит теоретико-прикладной характер. Его методологическая основа включает анализ структуры процесса обучения, содержательный анализ школьных курсов алгебры и геометрии, сопоставление выделенных компонентов учебного материала с соционическими макроасpekтами, а также описание типичных учебных затруднений через признаки тактика–стратегия и конструктивизм–эмотивизм. При описании общей структуры процесса обучения и групп методов использованы положения педагогической методологии и методики обучения математике [1; 8]. Соционическая часть модели опирается на работы, в которых рассматриваются типологические признаки и особенности обработки информации [2–7; 9; 10].

В работе не проводится эмпирическая проверка эффективности предложенных методических приемов на выборке учащихся.

Предлагаемая модель рассматривается как практический инструмент предварительной педагогической ориентации: ее можно использовать для наблюдения за ошибками, темпом решения, особенностями восприятия графического материала и способами самопроверки учащегося.

Следовательно, сформулированные ниже связи следует понимать как рабочие гипотезы для последующей педагогической проверки, а не как доказанные причинные зависимости.

Аналитические основания предлагаемой модели

Компоненты процесса обучения и место соционических факторов

В классической педагогической модели процесс обучения включает целевой, стимулирующе-мотивационный, содержательный, операционно-действенный, контрольно-регулирующий и оценочно-результативный компоненты [1].

Цели и содержание обучения определяются образовательными стандартами, программой и предметной логикой, поэтому соционические факторы не должны рассматриваться как основание для изменения требований к результату обучения.

Их возможное применение относится прежде всего к выбору формы мотивации, способа объяснения, организации тренировки и самопроверки.

В рамках предлагаемой модели стимулирующе-мотивационный компонент может учитывать различия, описываемые стимульными группами и признаком квестимность–деклатимность, а операционно-действенный компонент — различия, связанные с соционической силой–слабостью и инертностью–контактностью [3; 4].

Для контрольно-регулирующего и оценочно-результативного компонентов значение типологических факторов ограничено и проявляется главным образом в тех случаях, когда проверка и обратная связь одновременно выполняют мотивационную функцию.

Логическая и интуитивная информация в содержании школьной математики

Для анализа содержания алгебры и геометрии в работе выделяются два ключевых макроаспекта — логика и интуиция.

Логическая информация связана с закономерностями, структурами и методами: формулами, правилами, алгоритмами, классификациями, причинно-следственными связями и оценкой целесообразности способов решения.

Интуитивная информация связана с образами, ассоциациями, прогнозированием, переносом опыта на новые объекты, выделением ключевой идеи и интерпретацией графического представления.

В алгебре логическая составляющая наиболее очевидно проявляется в правилах работы с математическими объектами, алгоритмах решения задач, классификации задач и выборе эффективного метода.

Интуитивная составляющая проявляется при переносе освоенного способа действия на новые конструкции, сопоставлении внешне различающихся, но структурно сходных объектов, выделении центральной идеи темы, предварительной оценке результата и интерпретации графиков [8].

В геометрии логическая составляющая представлена правилами работы с геометрическими объектами, теоремами, классификацией фигур и последовательным изложением хода решения.

Интуитивная составляющая особенно заметна при построении и чтении рисунка, распознавании значимых фрагментов конструкции, прогнозировании общего направления решения и интерпретации условных обозначений.

Этика и сенсорика в рамках данной модели рассматриваются как менее значимые именно для анализа предметного содержания школьной математики, хотя они могут иметь значение для других сторон учебного взаимодействия.

Инертность–контактность и типичные учебные затруднения

В предлагаемой интерпретации инертность–контактность рациональных макроаспектов соотносится с признаками конструктивизм–эмотивизм [2; 5; 7; 9; 10]. Конструктивизм описывается как более быстрая и менее тщательная обработка логической информации при более детальной обработке этической информации.

Эмотивизм, напротив, связывается с более осторожной и детальной обработкой логической информации при более быстрой обработке этической информации.

Инертность–контактность иррациональных макроаспектов соотносится с признаками тактика–стратегия [6; 7; 9]: тактика предполагает более быструю обработку сенсорной и более тщательную обработку интуитивной информации, стратегия — более быструю обработку интуитивной и более тщательную обработку сенсорной информации.

На этой основе можно сформулировать несколько групп типичных учебных затруднений. Они рассматриваются не как обязательные свойства каждого представителя группы, а как наблюдаемые паттерны, которые требуют предметной проверки в конкретной учебной ситуации [3; 4].

Тактики

У тактиков могут возникать замедление или остановка решения при работе с новой либо недостаточно освоенной геометрической конструкцией, а также трудности при быстром восприятии тем, где активно используются графические интерпретации: тригонометрическая окружность, графики функций, элементы теории вероятностей и геометрические построения. При решении задач, внешне похожих на ранее изученные, возможен недостаточный учет новых условий, что повышает риск ошибок по невнимательности.

Освоение новых объектов и расширение представлений об уже известных конструкциях также может требовать больше времени.

Стратеги

Для стратегов более характерен риск слишком быстрого перехода к общей идее решения. В задачах, допускающих несколько интерпретаций условия, учащийся может недостаточно тщательно перебрать варианты, а при предварительной оценке хода решения — выбрать более сложный или не вполне соответствующий условию путь. Ключевая педагогическая задача в этом случае состоит не столько в ускорении понимания общей идеи, сколько в усилении внимания к деталям и промежуточным ограничениям.

Конструктивисты

У конструктивистов могут чаще возникать вычислительные ошибки по невнимательности, недостаточно подробное оформление хода решения и двойные ошибки, частично маскирующие друг друга.

При отработке задач по новой теме существует риск накопления большого числа мелких неточностей до того, как сформируется устойчивый и проверяемый способ решения.

Эмотивисты

У эмотивистов трудности могут проявляться иначе. При вычислительной ошибке, приводящей к противоречивому или явно абсурдному результату, учащийся может остановить решение и испытывать затруднение с локализацией причины ошибки. Поиск несостыковок способен занимать больше времени. Кроме того, стремление чрезмерно оптимизировать или структурировать решение иногда увеличивает временные затраты и усложняет последующую проверку.

Сочетания признаков

Наиболее отчетливая дополнительная специфика в исходной модели выделена для квазисоциалов, то есть тактиков-эмотивистов. У них могут одновременно проявляться трудности, связанные с образным восприятием и конвергентным мышлением, особенно в заданиях, где эти процессы необходимо задействовать одновременно.

Для остальных сочетаний отдельные специфические затруднения в рамках данной модели выражены менее отчетливо и в основном описываются совокупностью эффектов входящих признаков.

Рисунок 1. Группы на пересечении признаков тактика–стратегия и конструктивизм–эмотивизм

Результаты и практические рекомендации по подбору методов учебно-познавательной деятельности

В качестве базовых способов организации учебно-познавательной деятельности в работе рассматриваются перцептивные методы, включающие словесные, наглядные и практические приемы; логические методы, включающие дедуктивный, индуктивный, аналитический и синтетический подходы; а также гностические методы, представленные репродуктивным и проблемно-поисковым обучением [1; 8]. В предлагаемой модели выбор конкретного метода соотносится не непосредственно с названием соционического типа, а с характером устойчиво наблюдаемых учебных затруднений.

Сводная методическая карта представлена в таблице 1.

Она фиксирует не жесткие назначения методов определенным группам, а возможные направления педагогической коррекции, которые следует проверять по реакции конкретного учащегося.

Таблица 1.

Методическая карта подбора приемов обучения

Группа учащихся	Типичные затруднения	Рекомендуемые методы	Педагогическая задача
Тактики	Замедление при работе с графическими и образными конструкциями; трудность быстрого перехода от условия к общей идее решения.	Пояснительные рисунки, пометки на чертеже, визуальное соотнесение терминов и объектов, индуктивное объяснение от примера к правилу.	Облегчить переход от зрительного образа к формальному правилу и снизить риск остановки решения.
Стратеги	Слишком быстрый выбор общего хода решения; недостаточный учет деталей условия и вариантов интерпретации.	Наглядные схемы, обязательные обозначения на рисунке, фиксация исходных данных и промежуточных выводов.	Усилить внимание к деталям и повысить точность выбора способа решения.
Конструктивисты	Вычислительные ошибки, недостаточно подробное оформление, двойные ошибки, маскирующие друг друга.	Алгоритмы самопроверки, альтернативные способы решения, стандартизированная запись хода решения, оперативная коррекция ошибок.	Снизить количество ошибок по невнимательности и повысить проверяемость решения.
Эмотивисты	Замедленный поиск вычислительных ошибок и несостыковок; остановка при получении противоречивого результата.	Пошаговые алгоритмы поиска ошибок, умеренные наводящие вопросы, баланс между подробностью и компактностью записи.	Поддерживать продолжение решения и ускорить обнаружение причины ошибки.

Рекомендации для тактиков

При работе с графическим и образным материалом целесообразно шире использовать пояснительные рисунки, обозначения на чертежах, визуальное соотнесение терминов и объектов, а также индуктивное объяснение от конкретного примера к общему правилу [6; 7; 9]. В процессе объяснения полезно явно выделять на рисунке объект, соответствующий

произносимому термину, а при введении определений — визуально связывать элементы изображения и текст. При решении задач графического типа следует поощрять нанесение условных обозначений и фиксацию исходных данных. Мнемонические приемы нужно использовать осторожно: дополнительные ассоциации должны поддерживать математический смысл, а не подменять его.

Рекомендации для стратегов

Для стратегов наглядность выполняет иную функцию. Пояснительные рисунки, схемы, обязательные обозначения исходных данных и фиксация промежуточных выводов позволяют замедлить слишком быстрый переход к общей идее решения и повысить внимание к деталям условия [6; 7; 9]. Поэтому педагогическая задача состоит не в дополнительном ускорении поиска идеи, а в создании процедуры проверки того, насколько выбранный общий ход действительно учитывает все существенные ограничения задачи.

Рекомендации для конструктивистов

Основной акцент целесообразно делать на средствах самопроверки: альтернативных способах решения, стандартизированной записи хода рассуждений и оперативной коррекции мелких ошибок [2; 5; 7; 9; 10]. Важно поддерживать баланс между компактностью и наглядностью записи. На этапе освоения новой темы полезна своевременная обратная связь по типичным неточностям, чтобы не допускать закрепления ошибочного способа действия.

Рекомендации для эмотивистов

Для эмотивистов более полезны пошаговые алгоритмы поиска несостыковок, умеренные наводящие вопросы и баланс между подробностью и компактностью записи [2; 5; 7; 9; 10]. Если решение остановилось после получения противоречивого результата, педагог может предложить локализовать последний надежно проверенный шаг, определить тип текущей операции и последовательно проверить промежуточные преобразования. При этом избыточное количество разноформулированных подсказок нежелательно, поскольку оно может дополнительно усложнить структуру задачи.

Рекомендации для сочетаний признаков

Для квазисоциалов, то есть тактиков-эмотивистов, целесообразно временно разделять вычислительно-аналитическую часть, связанную с конвергентным мышлением, и графическо-интерпретационную часть, связанную с образным восприятием, а затем объединять их в целостный способ решения. Такой прием снижает одновременную нагрузку на два потенциально затрудненных компонента.

Для квазиуправленцев, то есть тактиков-конструктивистов, дополнительным инструментом может выступать графическо-интерпретационная проверка вычислительно-аналитического решения. Она создает независимый канал контроля и помогает обнаруживать противоречия, которые могут быть пропущены при последовательной проверке вычислений.

Для квазиисследователей и квазигуманитариев отдельные комбинированные рекомендации в рамках данной модели не выделялись; применяются рекомендации, соответствующие входящим в сочетание признакам.

Обсуждение и ограничения исследования

Сопоставление предложенных приемов показывает, что часть педагогических решений имеет относительно универсальный характер, тогда как другие зависят от типа наблюдаемого затруднения и могут требовать противоположных действий со стороны педагога. Наиболее сходные рекомендации относятся к этапу объяснения нового материала, прежде всего к использованию наглядности и структурированию информации. Более выраженные различия возникают на этапах отработки и контроля: одним учащимся требуется замедление и более тщательная фиксация промежуточных шагов, другим, напротив, поддержка продолжения решения и упрощение процедуры поиска ошибки. Поэтому предлагаемая модель предполагает не закрепление единственного метода за определенным соционическим типом, а адаптивный выбор педагогического приема в зависимости от устойчивого характера возникающих трудностей.

Предложенная модель имеет практико-ориентированный характер и предназначена для предварительной индивидуализации обучения. Она не заменяет предметную диагностику, анализ пробелов в знаниях и педагогическое наблюдение, а дополняет их за счет учета устойчивых различий в обработке логической и интуитивной информации.

Соционический тип в данной работе рассматривается не как единственная причина учебных затруднений, а как один из возможных ориентиров при выборе способа объяснения и тренировки.

Существенным ограничением работы является отсутствие эмпирической проверки эффективности предложенных приемов на выборке школьников. Кроме того, часть описанных затруднений может объясняться не только типологическими особенностями, но и уровнем подготовки, опытом решения задач, мотивацией, тревожностью и другими индивидуальными факторами. Дальнейшее исследование может включать педагогический эксперимент, сравнение групп учащихся с различными профилями затруднений и оценку динамики ошибок до и после применения предложенной методической карты.

Для практического применения предварительная соционическая диагностика не является обязательным условием.

Педагог может исходить из повторяющихся ошибок, темпа решения, реакции на графический материал, способа выбора общей стратегии и особенностей самопроверки. Такой подход снижает риск типологизации ради самой типологии и переводит модель в формат наблюдаемого педагогического инструмента.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что учет соционических признаков может использоваться как дополнительный ориентир при выборе методов объяснения, тренировки и контроля в обучении алгебре и геометрии.

Наиболее универсальными являются наглядные, индуктивные и практические методы, однако их конкретное применение должно зависеть от характера устойчивых учебных затруднений.

Различия между группами особенно важны на этапах отработки и контроля решения. Для тактиков акцент делается на поддержке перехода от образа к общей идее, для стратегов — на удержании деталей условия и проверке выбранного хода, для конструктивистов — на процедурах самоконтроля и своевременной коррекции мелких ошибок, для эмотивистов — на пошаговом поиске несостыковок и поддержке продолжения решения после возникновения противоречия.

На пересечении признаков возможны дополнительные комбинированные приемы, прежде всего разделение графическо-интерпретационной и вычислительно-аналитической частей задания и использование одного канала представления для проверки другого.

Предложенная модель не требует обязательной предварительной диагностики учащихся. Она может использоваться как инструмент педагогического наблюдения за повторяющимися затруднениями и как основание для более адресного выбора методических приемов. Эмпирическая проверка эффективности модели является задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. Москва. – 1989. – 560 с.
2. Геш М. Влияние когнитивных особенностей психики на изучение иностранного языка [Электронный ресурс]. // Психология, социология и педагогика. URL: <https://psychology.snauka.ru/2022/12/8721> (дата обращения: 03.08.2026).
3. Коваленко Р.К., Звонарёва Н.А. Соционика: полный курс лекций: учебник. Новосибирск. Изд-во: СибАК. Научно-исследовательский центр Соционического Анализа. – 2020. – 230 с.
4. Коваленко Р.К. Разработка комплексной методики для диагностики типа информационного метаболизма // Соционика, ментология и психология личности. – 2018. – № 1.
5. Константинов К.К. Типологические особенности личности в контексте предупреждения конфликтных ситуаций // Questions of science in the world: materials of the III international scientific conference on November 29. – 2022.
6. Кузнецова И.И. Исследование взаимосвязи соционических признаков и моделей ценностей по М. Рокичу и Ш. Шварцу [Электронный ресурс]. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. URL: <http://nauteh-journal.ru/files/4187cdf9-78bb-435a-a9fb-e67b40492de9> (дата обращения: 03.08.2026).
7. Маковская А.А. Маковская А.А. Взаимосвязь трудовой мотивации и типологических особенностей личности [Электронный ресурс]. // Russian Journal of Education and Psychology,. URL: <https://doi.org/> (дата обращения: 03.08.2026).

8. Методика обучения алгебре основной школы (Материалы к лекционным занятиям): учебно–методическое пособие. – Ярославль: Изд – во ЯГПУ имени К.Д. Ушинского.2006. – с. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2006.
9. Пономарева Е.В. Влияние соционического типа на выбор человека при решении моральных дилемм [Электронный ресурс]. // Russian Journal of Education and Psychology,. URL: <https://rjep.ru/jour/index.php/rjep/article/view/557> (дата обращения: 03.08.2026).
10. Терехов В.В. Типологические особенности личности в общественном и политическом имидже [Электронный ресурс]. // Психология, социология и педагогика. URL: <https://psychology.snauka.ru/2023/01/8736> (дата обращения: 03.08.2026).
11. ФИПИ. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2024 года по математике. Математика. Профильный уровень [Электронный ресурс]. URL: https://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2024/ma_mr_2024.pdf (дата обращения: 03.08.2026).
12. Яценко И.В., Высоцкий И.Р., Самсонов П.И. Методические материалы для председателей и членов региональных предметных комиссий по проверке выполнения заданий с развернутым ответом ОГЭ 2024. Математика [Электронный ресурс]. М.: ФГБНУ «ФИПИ». URL: https://doc.fipi.ru/oge/dlya-predmetnyh-komissiy-subektov-rf/2024/mr_oge_matematika_2024.pdf (дата обращения: 03.08.2026).

References

1. [Selected Pedagogical Works. Moscow. 1989. 560 P.] (In Russ.)
2. [The Influence of Cognitive Features of the Psyche on Foreign Language Learning] // Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2022/12/8721> (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)
3. Kovalenko R.K., Zvonaryova N.A. [Socionics: Complete Course of Lectures: Textbook. Novosibirsk. Publishing House: SibAK. Research Center for Socioanalysis] 230 s. – 2020. (In Russ.)
4. [Development of a Comprehensive Methodology for Diagnosing the Type of Information Metabolism] // Sotsionika, mentologiya i psikhologiya lichnosti. – 2018. – No. 1. (In Russ.)
5. [Typological Features of Personality in the Context of Prevention of Conflict Situations] // Questions of science in the world: materials of the III international scientific conference on November 29. – 2022. (In Russ.)
6. [Investigation of the Relationship Between Socioniconic Traits and Value Models According to M. Rokeach and S. Schwartz] // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. – URL: <http://nauteh-journal.ru/files/4187cdf9-78bb-435a-a9fb-e67b40492de9> (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)
7. [Makovskaya A.A. The Relationship Between Work Motivation and Typological Features of Personality] // Russian Journal of Education and Psychology,. – URL: <https://doi.org/> (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)

8. [Teaching Methods for Algebra in Secondary School (Materials for Lectures): Educational and Methodological Manual]. – Yaroslavl': Izd – vo YaGPU imeni K.D. Ushinskogo.2006. – s. Yaroslavl': Izd-vo YaGPU imeni K.D. Ushinskogo, 2006 (In Russ.)
9. [The Influence of Socioniconic Type on Human Choice When Solving Moral Dilemmas] // Russian Journal of Education and Psychology,. – URL: <https://rjep.ru/jour/index.php/rjep/article/view/557> (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)
10. [Typological Features of Personality in Public and Political Image] // Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2023/01/8736> (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)
11. [Methodological Recommendations for Teachers Based on Analysis of Typical Errors by Participants in the 2024 Unified State Examination in Mathematics. Mathematics. Profile Level] – URL: https://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2024/ma_mr_2024.pdf (дата обращения: 03.08.2026). (In Russ.)
12. Yashchenko I.V., Vysotskij I.R., Samsonov P.I. [Methodological Materials for Chairs and Members of Regional Subject Commissions for Checking the Completion of Tasks with Detailed Answers in the 2024 State Final Examination. Mathematics] M.: FGBNU «FIPI», 2024. – URL: https://doc.fipi.ru/oge/dlya-predmetnyh-komissiy-subektov-rf/2024/mr_oge_matematika_2024.pdf. (accessed 14.09.2026). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.06.2026

Статья принята к публикации: 06.06.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 378.018.43:37.013.42

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23129

Проблемы воспитательной работы со студентами высших учебных заведений в условиях цифровой и социокультурной трансформации образования

Салахова Зумрат Насрединовна

начальник отдела по работе с молодёжью
духовности и просветительства, Ташкентский филиал Российского химико-
технологического университета им. Д.И. Менделеева
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: z.salahova1962@gmail.com

Аронбаев Дмитрий Маркиэлович

канд. хим. наук, доц.
Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: diron51@mail.ru

Васина Светлана Михайловна

канд. хим. наук, проф.
Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова
Республика Узбекистан, г. Самарканд
E-mail: vasinass2003@mail.ru

Аронбаев Сергей Дмитриевич

д-р хим. наук, проф.
Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова
Республика Узбекистан, г. Самарканд

Библиографическое описание: Проблемы воспитательной работы со студентами высших учебных заведений в условиях цифровой и социокультурной трансформации образования // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. Салахова З.Н. [и др.]. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23129>

Problems of educational work with students of higher educational institutions in the context of digital and socio-cultural transformation of education

Salakhova Zumrat

*Head of the Department for Youth Work, Spirituality and Enlightenment Tashkent Branch of the D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology
Uzbekistan, Tashkent*

Aronbaev Dmitry

*candidate of Chemical Sciences, Associate Professor
Samarkand State University named after Sh. Rashidov
Uzbekistan, Samarkand*

Vasina Svetlana

*candidate of Chemical Sciences, Professor
Samarkand State University named after Sh. Rashidov
Uzbekistan, Samarkand*

Aronbaev Sergey

*doctor of Chemical Sciences, Professor
Samarkand State University named after Sh. Rashidov
Uzbekistan, Samarkand*

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы организации воспитательной работы в высших учебных заведениях в условиях трансформации современного образовательного пространства. Проведен анализ психолого-педагогических факторов, влияющих на эффективность воспитательного процесса в студенческой среде. Показано, что цифровизация образования, снижение уровня межличностного взаимодействия, рост эмоциональной нестабильности молодежи и изменение ценностных ориентиров существенно осложняют реализацию традиционных моделей воспитания. Особое внимание уделено противоречию между формальным характером воспитательных мероприятий и реальными потребностями студентов в психологической поддержке, социальной адаптации и профессиональном самоопределении. На основе анализа современных исследований выявлены ключевые проблемы: недостаточная мотивация студентов к участию во внеучебной деятельности, дефицит воспитательных компетенций преподавателей, слабая интеграция психологических служб в структуру университета, а также ограниченное использование интерактивных и цифровых технологий воспитания. Предложены направления совершенствования воспитательной деятельности в вузах, основанные на принципах субъектности, индивидуализации, психологической безопасности и студенческого самоуправления.

Abstract

The article discusses the current problems of organizing educational work in higher education institutions in the context of the transformation of the modern educational space. The analysis of psychological and pedagogical factors influencing the effectiveness of the educational process in the student environment is carried out. It is shown that the digitalization of education, a decrease in the level of interpersonal interaction, an increase in the emotional instability of young people and a change in value orientations significantly complicate the implementation of traditional parenting models. Special attention is paid to the contradiction between the formal nature of educational activities and the real needs of students in psychological support, social adaptation and professional

self-determination. Based on the analysis of modern research, key problems have been identified: insufficient motivation of students to participate in extracurricular activities, lack of educational competencies of teachers, weak integration of psychological services into the university structure, as well as limited use of interactive and digital educational technologies. The directions of improving educational activities in universities based on the principles of subjectivity, individualization, psychological safety and student self-government are proposed.

Ключевые слова: воспитательная работа, высшее образование, студенты, психолого-педагогическое сопровождение, цифровизация образования, студенческая молодежь, социализация, воспитательная среда, университет.

Keywords: educational work, higher education, students, psychological and pedagogical support, digitalization of education, student youth, socialization, educational environment, university.

Введение

Современная система высшего образования переживает период масштабных структурных и социокультурных изменений, связанных с цифровизацией образовательной среды, трансформацией ценностных установок молодежи и усложнением механизмов социальной адаптации студентов. В данных условиях воспитательная работа в вузе перестает рассматриваться исключительно как совокупность внеучебных мероприятий и приобретает статус важнейшего компонента формирования личности будущего специалиста [4].

Современный университет выполняет не только образовательную, но и социально-психологическую функцию, обеспечивая развитие гражданской ответственности, профессиональной идентичности, коммуникативной культуры и устойчивости личности к стрессовым воздействиям внешней среды [17]. Однако результаты ряда исследований свидетельствуют о снижении эффективности традиционных воспитательных моделей в высшей школе [8].

Одной из наиболее серьезных проблем становится рост психологической дезадаптации студентов. Повышенная тревожность, эмоциональное выгорание, трудности межличностного взаимодействия и цифровая зависимость существенно влияют на социальное поведение молодежи и затрудняют процессы социализации [23]. По данным исследований последних лет, значительная часть студентов испытывает дефицит эмоциональной поддержки и недостаточную вовлеченность в университетское сообщество [11].

Дополнительные сложности обусловлены изменением структуры коммуникации в студенческой среде. Распространение дистанционных технологий, онлайн-обучения и виртуальных форм взаимодействия привело к снижению интенсивности живого общения и ослаблению традиционных механизмов коллективного воспитательного влияния [16]. В результате наблюдается фрагментация студенческих сообществ и снижение уровня социальной ответственности обучающихся [24].

Серьезным фактором остается и формализация воспитательной деятельности. Во многих вузах воспитательная работа сохраняет преимущественно отчетно-мероприятийный характер, ориентированный на количественные показатели, а не на реальное личностное

развитие студентов [7]. При этом преподаватели нередко испытывают дефицит психолого-педагогической подготовки, необходимой для эффективного взаимодействия с молодежью [5].

В современных исследованиях подчеркивается необходимость перехода от административно-организационной модели воспитания к субъектно-ориентированной системе, основанной на партнерском взаимодействии преподавателей и студентов [25]. Особое значение приобретает создание психологически безопасной образовательной среды, способствующей развитию инициативности, критического мышления и социальной активности обучающихся [12].

Несмотря на возрастающий интерес к проблемам воспитательной деятельности в высшей школе, многие аспекты остаются недостаточно разработанными. Требуют дальнейшего изучения вопросы интеграции цифровых технологий в воспитательный процесс, организации психологического сопровождения студентов, а также разработки эффективных моделей профилактики девиантного поведения и эмоционального выгорания молодежи [2,9].

Целью настоящего исследования является анализ современных проблем воспитательной работы среди студентов высших учебных заведений и определение перспективных направлений совершенствования психолого-педагогического сопровождения студенческой молодежи в условиях цифровой трансформации образования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили положения современной педагогики высшей школы, психологии молодежного возраста, теории социализации личности и концепции воспитательной образовательной среды [6, 13, 14, 20].

В ходе исследования использовались следующие методы:

- анализ научной психолого-педагогической литературы;
- сравнительно-аналитический метод;
- контент-анализ современных исследований;
- систематизация и обобщение педагогического опыта;
- метод теоретического моделирования.

Информационную базу исследования составили отечественные и зарубежные научные публикации, индексируемые в базах eLIBRARY, Scopus, Web of Science и Google Scholar, посвященные проблемам воспитательной деятельности, психолого-педагогического сопровождения студентов и цифровой трансформации образовательной среды за 2021–2026 гг. При отборе источников учитывались их научная актуальность, тематическая релевантность и цитируемость.

Контент-анализ проводился по следующим основным категориям: психологическая адаптация студентов, цифровизация воспитательной среды, мотивация молодежи к внеучебной деятельности, развитие студенческого самоуправления и эффективность психолого-педагогического сопровождения. Теоретическое моделирование осуществлялось

на основе сопоставления современных педагогических и психологических концепций воспитательной работы в высшей школе с последующим обобщением выявленных тенденций и проблем.

Достоверность полученных выводов обеспечивалась сравнительным анализом результатов современных отечественных и зарубежных исследований, использованием междисциплинарного подхода, а также систематизацией данных различных научных источников.

Результаты исследования

1. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи

Одной из ключевых проблем современной воспитательной работы является изменение ценностной структуры молодежи. Установлено, что значительная часть студентов ориентирована преимущественно на индивидуальные карьерные достижения, материальную успешность и цифровую самореализацию, тогда как общественно значимые формы активности постепенно утрачивают приоритетное значение [2].

Наблюдается снижение интереса студентов к традиционным формам воспитательных мероприятий. Классические лекционные и административные модели воспитания воспринимаются молодежью как формальные и недостаточно соответствующие современным коммуникативным практикам [9].

2. Психологические проблемы студенческой среды

Анализ современных исследований показывает устойчивый рост психоэмоциональной нагрузки на студентов. Наиболее распространенными проблемами являются:

- эмоциональное выгорание;
- тревожные состояния;
- снижение стрессоустойчивости;
- социальная изоляция;
- цифровая зависимость.

Особенно выраженные трудности наблюдаются у студентов младших курсов в период адаптации к университетской среде [6,20].

Установлено, что психологические службы многих вузов функционируют недостаточно эффективно вследствие кадрового дефицита и ограниченного взаимодействия с преподавательским составом [3,1].

На рисунке 1 представлена инфографическая схема, отражающая основные психолого-педагогические проблемы современной студенческой молодежи.

Рисунок 1. Основные психолого-педагогические проблемы современной студенческой молодежи

Как видно из рисунка 1, спектр проблем современной студенческой молодежи носит комплексный характер и охватывает как эмоционально-психологическую сферу, так и вопросы социальной адаптации, профессионального самоопределения и цифровой перегрузки. Представленные данные свидетельствуют о необходимости разработки системной психолого-педагогической поддержки студентов, ориентированной на повышение стрессоустойчивости, учебной мотивации и коммуникативной компетентности.

3. Формализация воспитательной деятельности

В ряде университетов воспитательная работа сохраняет преимущественно административно-отчетный характер. Эффективность воспитательных мероприятий часто оценивается количественными показателями: числом проведенных акций, посещаемостью мероприятий и объемом документации.

Подобный подход существенно снижает мотивацию студентов к участию во внеучебной деятельности и препятствует формированию устойчивой воспитательной среды.

В таблице 1 представлены проблемные недостатки традиционной системы воспитательной работы в ВУЗе, их характерные проявления и последствия.

Таблица 1.**Основные недостатки традиционной системы воспитательной работы в ВУЗе**

№	Проблема	Характерные проявления	Возможные последствия	Источники
1	Формальный характер воспитательных мероприятий	Ориентация на отчетность и количественные показатели вместо личностного развития студентов	Снижение вовлеченности молодежи во внеучебную деятельность	[8], [16]
2	Недостаточная психологическая поддержка студентов	Ограниченная работа психологических служб, дефицит консультирования	Рост тревожности, эмоционального выгорания и социальной дезадаптации	[4], [12], [15]
3	Слабая мотивация студентов к участию в воспитательной деятельности	Низкий интерес к традиционным мероприятиям и общественным инициативам	Ослабление социальной активности и гражданской ответственности	[2], [10],
4	Недостаточная воспитательная компетентность преподавателей	Отсутствие подготовки по возрастной психологии и педагогической коммуникации	Конфликты, снижение эффективности взаимодействия со студентами	[9], [18]
5	Недостаточная индивидуализация воспитательной работы	Использование унифицированных методов без учета личностных особенностей студентов	Снижение эффективности воспитательного воздействия	[1], [11], [19]
6	Ограниченное использование современных цифровых технологий	Слабая интеграция интерактивных платформ и цифровых коммуникаций	Потеря контакта со студенческой аудиторией	[6], [20]
7	Ослабление межличностного взаимодействия в студенческой среде	Рост дистанционного общения и цифровой зависимости	Социальная изоляция и снижение коммуникативных навыков	[17], [20], [22]
8	Недостаточное развитие студенческого самоуправления	Ограниченное участие студентов в принятии решений	Снижение субъектности и инициативности молодежи	[23], [24], [25]

4. Недостаточная подготовленность преподавателей к воспитательной деятельности

Современный преподаватель вуза выполняет не только образовательную, но и воспитательную функцию. Однако многие преподаватели обладают высоким уровнем предметной компетентности при недостаточной подготовке в области возрастной психологии, конфликтологии и педагогической коммуникации [8,2,9]. Особенно остро проблема проявляется в условиях цифровизации образования, когда преподавателю требуется владение интерактивными технологиями воспитательного взаимодействия.

5. Влияние цифровой среды на воспитательный процесс

Цифровизация образования оказала двойственное влияние на воспитательную работу. С одной стороны, электронные платформы, социальные сети и цифровые коммуникации расширили возможности взаимодействия со студентами. С другой стороны, усилились процессы социальной атомизации, клипового мышления и снижения уровня эмоциональной вовлеченности [19,21].

Установлено, что чрезмерная виртуализация общения негативно влияет на развитие эмпатии, коммуникативной культуры и навыков коллективного взаимодействия.

На рисунке 2 показано влияние цифровизации на воспитательную среду университета.

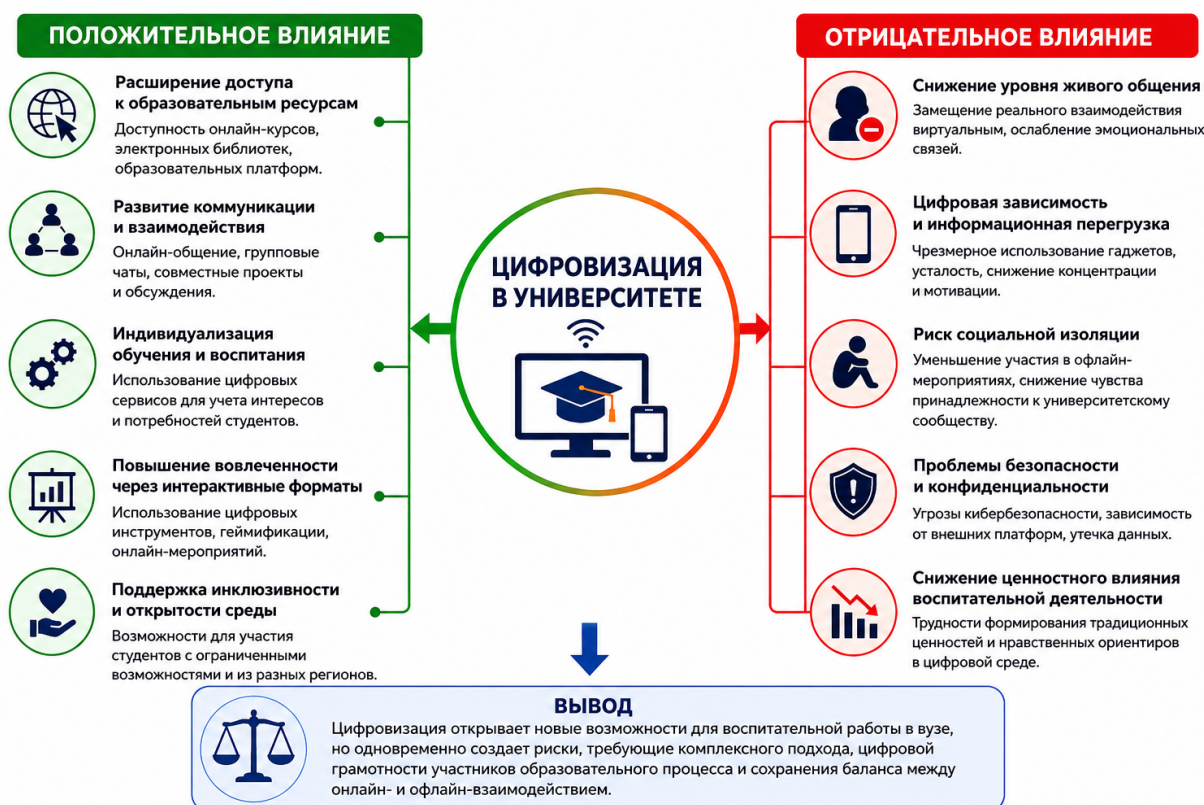

Рисунок 2. Влияние цифровизации на воспитательную среду университета

Представленный рисунок демонстрирует двойственный характер цифровизации образовательной среды: наряду с расширением возможностей обучения, коммуникации и инклюзивности, цифровые технологии создают риски социальной изоляции, информационной перегрузки и снижения воспитательного воздействия университета. Приведенная схема подчеркивает необходимость формирования сбалансированной цифровой среды, сочетающей технологические преимущества с сохранением полноценного межличностного взаимодействия и ценностно-ориентированного воспитания студентов.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости глубокой модернизации системы воспитательной работы в высшей школе. Современная воспитательная деятельность не может ограничиваться организацией отдельных мероприятий и требует комплексного психолого-педагогического сопровождения личности студента.

Одним из ключевых направлений совершенствования воспитательной системы является переход к субъектно-ориентированной модели взаимодействия, при которой студент рассматривается как активный участник образовательного процесса, а не объект педагогического воздействия [4, 8, 17].

Перспективным направлением выступает развитие студенческого самоуправления, волонтерских движений, проектной деятельности и наставнических практик. Именно данные формы, как подчеркивают авторы [15, 18, 22], позволяют обеспечить высокий уровень личностной вовлеченности молодежи и способствуют развитию социальной ответственности.

Особое значение приобретает интеграция психологических служб в образовательную среду университета. Современный вуз должен и может обеспечивать не только академическую подготовку, но и психологическую поддержку студентов, профилактику эмоционального выгорания и развитие навыков стрессоустойчивости.

Важным условием повышения эффективности воспитательной работы является развитие цифровой педагогики. Однако цифровые технологии должны использоваться не как замена живого взаимодействия, а как инструмент расширения воспитательных возможностей университета.

Заключение

Проведенное исследование показало, что современная система воспитательной работы в вузах сталкивается с комплексом серьезных психолого-педагогических проблем, обусловленных цифровизацией общества, трансформацией ценностных ориентиров молодежи и изменением структуры межличностного взаимодействия.

Установлено, что традиционные модели воспитательной деятельности постепенно утрачивают эффективность вследствие их формализованного характера и недостаточной адаптации к современным потребностям студентов. Существенное влияние на воспитательный процесс оказывают рост эмоциональной нестабильности молодежи, снижение социальной вовлеченности и распространение цифровой зависимости.

Выявлена необходимость перехода к субъектно-ориентированной модели воспитания, основанной на принципах партнерства, психологической безопасности, индивидуализации и активного участия студентов в организации университетской среды.

Перспективными направлениями совершенствования воспитательной работы являются развитие психологического сопровождения студентов, интеграция интерактивных и цифровых технологий, поддержка студенческого самоуправления и повышение воспитательных компетенций преподавателей.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ воспитательной деятельности, модернизации системы психолого-педагогического сопровождения студентов и совершенствовании образовательной политики высших учебных заведений.

Список литературы

1. Исакова Д.Т., Аронбаев С.Д., Аронбаев Д.М. Инклюзивное образование как основа устойчивого развития общества: опыт и перспективы в Узбекистане // Флагман науки. – 2025. – № 9. – DOI: 10.37539/2949–1991.2025.32.9.003.
2. Мартынова Т.Н., Пфетцер А.А. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития студентов в условиях цифровой образовательной среды вуза // Professional Education in Russia and Abroad. – 2022. – № 1. – С. 145–152. – DOI: 10.54509/22203036_2022_1_145.

3. Одинцова М.А., Александрова Л.А., Кузьмина Е.И., Лазарева В.М. Психолого-педагогическое сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в вузе // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Т. 11, № 3. – С. 114–127. – DOI: 10.17759/psyedu.2019110310.
4. Ромм Т.А. Подготовка студентов к воспитательной деятельности в вузе: вектор современного развития // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27, № 4. – С. 48–54. – DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-4-48-54.
5. Савченков А.В., Уварина Н.В., Гнатышина Е.А., Щагина Г.В. Мониторинг готовности педагогов к реализации практик воспитательной деятельности в образовательном процессе вуза: методические рекомендации. – Москва. – 2022. – 144 с. – DOI: 10.18334/9785912924217.
6. Титова Г.Ю., Середа А.В. Воспитательная работа на факультете как пространство формирования готовности студентов педвуза – будущих социальных педагогов к решению задач профессиональной деятельности // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2019. – № 1. – С. 67–77. – DOI: 10.23951/2307-6127-2019-1-67-77.
7. Харисова И.Г. Подготовка студентов к воспитательной работе со школьниками // Педагогика сельской школы. – 2022. – № 1. – С. 129–144. – DOI: 10.20323/2686-8652-2022-1-11-129-144.
8. Черная Е.В. Воспитательная работа в вузе: обзор научной литературы // Гуманитарный научный вестник. – 2023. – № 12. – С. 60–67. – DOI: 10.5281/zenodo.10513718.
9. Ярычев Н.У. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся в условиях цифровизации // Review of Pedagogical Research. – 2026. – Т. 8, № 4. – С. 112–118. – DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-4-112-118.
10. Astin A.W. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. – 1999. – Т. 40. – P. 518–529.
11. Brougham R.R., Zail C.M., Mendoza C.M. Stress, sex differences, and coping strategies among college students // Current Psychology. – 2009. – Т. 28, № 2. – P. 85–97. – DOI: 10.1007/s12144-009-9047-0.
12. Cui Z., Lin Z., Ren J., Cao Y., Tian X. Exploring self-esteem and personality traits as predictors of mental wellbeing among Chinese university students: the mediating and moderating role of resilience // Frontiers in Psychology. – 2024. – Т. 15. – Art. 1308863. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1308863.
13. Darling-Hammond L. Teacher education around the world: What can we learn from international practice? // European Journal of Teacher Education. – 2017. – Т. 40, № 3. – P. 291–309. – DOI: 10.1080/02619768.2017.1315399.
14. Del Pino M.J., Matud M.P. Stress, mental symptoms and well-being in students: a gender analysis // Frontiers in Psychology. – 2024. – Т. 15. – Art. 1492324. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1492324.
15. European Students' Union. Bologna With Student Eyes. – Brussels: ESU, 2024.

16. Hrastinski S. What do we mean by blended learning? // *TechTrends*. – 2019. – Т. 63, № 5. – P. 564–569. – DOI: 10.1007/s11528-019-00375-5.
17. Kahu E.R., Nelson K. Student engagement in the educational interface // *Higher Education Research & Development*. – 2018. – Т. 37, № 1. – P. 58–71. – DOI: 10.1080/07294360.2017.1344197.
18. Lo W.Y.W. Trust and tension: shared governance in higher education amid student activism // *Studies in Higher Education*. – 2025. – Т. 50, № 12. – P. 3016–3031. – DOI: 10.1080/03075079.2024.2449243.
19. Malinka K., Perešini M., Firc A. et al. On the Educational Impact of ChatGPT: Is Artificial Intelligence Ready to Obtain a University Degree? // *Proceedings of the*. – 2023. – P. 47–53. – DOI: 10.1145/3587102.3588827.
20. Martinez W.D., Casaleiro T., Menezes J.D.S. et al. Mental Health and Resilience in Nursing Students: A Longitudinal Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2025. – Т. 22, № 5. – Art. 735. – DOI: 10.3390/ijerph22050735.
21. Rahman M.M., Watanobe Y. ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies // *Applied Sciences*. – 2023. – Т. 13, № 9. – Art. 5783. – DOI: 10.3390/app13095783.
22. Shalabayev S., Xembayeva S., Antikeyeva S., Kudarova N., Kayumova M. The role of student self-government in universities in shaping managerial potential: a study of the development of leadership and organizational skills in Kazakhstan // *Frontiers in Education*. – 2025. – Т. 10. – Art. 1616869. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1616869.
23. Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F. Effects of COVID-19 on College Students' Mental Health in the United States: Interview Survey Study // *Journal of Medical Internet Research*. – 2020. – Т. 22, № 9. – DOI: 10.2196/21279.
24. Tinto V. Student retention and engagement in higher education // *Journal of Further and Higher Education*. – 2020. – Т. 44, № 1. – P. 1–16. – DOI: 10.1080/0309877X.2019.1576860.
25. Zepke N. Student engagement research in higher education: questioning an academic orthodoxy // *Teaching in Higher Education*. – 2014. – Т. 19, № 6. – P. 697–708. – DOI: 10.1080/13562517.2014.901956.

References

1. Isakova D.T., Aronbaev S.D., Aronbaev D.M. Inklyuzivnoe obrazovanie kak osnova ustoychivogo razvitiya obshchestva: opyt i perspektivy v Uzbekistane // *Flagman nauki*. – 2025. – No. 9. – DOI: 10.37539/2949–1991.2025.32.9.003.
2. Martynova T.N., Pfttser A.A. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'no-lichnostnogo razvitiya studentov v usloviyakh tsifrovoy obrazovatel'noy sredy vuza // *Professional Education in Russia and Abroad*. – 2022. – No. 1. – P. 145–152. – DOI: 10.54509/22203036_2022_1_145.

3. Odintsova M.A., Aleksandrova L.A., Kuz'mina E.I., Lazareva V.M. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu v vuze // Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya. – 2019. – Vol. 11, No. 3. – P. 114–127. – DOI: 10.17759/psyedu.2019110310.
4. Romm T.A. Podgotovka studentov k vospitatel'noy deyatel'nosti v vuze: vektor sovremennogo razvitiya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. – 2021. – Vol. 27, No. 4. – P. 48–54. – DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-4-48-54.
5. Savchenkov A.V., Uvarina N.V., Gnatyshina E.A., Shchagina G.V. Monitoring gotovnosti pedagogov k realizatsii praktik vospitatel'noy deyatel'nosti v obrazovatel'nom protsesse vuza: metodicheskie rekomendatsii. – Moscow, 2022. – 144 P. – DOI: 10.18334/9785912924217. [In Russ.].
6. Titova G.Yu., Sereda A.V. Vospitatel'naya rabota na fakul'tete kak prostranstvo formirovaniya gotovnosti studentov pedvuza – budushchikh sotsial'nykh pedagogov k resheniyu zadach professional'noy deyatel'nosti // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. – 2019. – No. 1. – P. 67–77. – DOI: 10.23951/2307-6127-2019-1-67-77.
7. Kharisova I.G. Podgotovka studentov k vospitatel'noy rabote so shkol'nikami // Pedagogika sel'skoy shkoly. – 2022. – No. 1. – P. 129–144. – DOI: 10.20323/2686-8652-2022-1-11-129-144.
8. Chernaya E.V. Vospitatel'naya rabota v vuze: obzor nauchnoy literatury // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. – 2023. – No. 12. – P. 60–67. – DOI: 10.5281/zenodo.10513718.
9. Yarychev N.U. Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obuchayushchikhsya v usloviyakh tsifrovizatsii // Review of Pedagogical Research. – 2026. – Vol. 8, No. 4. – P. 112–118. – DOI: 10.58224/2687-0428-2026-8-4-112-118.
10. Astin A.W. Student Involvement: A Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. – 1999. – Vol. 40. – P. 518–529.
11. Brougham R.R., Zail C.M., Mendoza C.M. Stress, sex differences, and coping strategies among college students // Current Psychology. – 2009. – Vol. 28, No. 2. – P. 85–97. – DOI: 10.1007/s12144-009-9047-0.
12. Cui Z., Lin Z., Ren J., Cao Y., Tian X. Exploring self-esteem and personality traits as predictors of mental wellbeing among Chinese university students: the mediating and moderating role of resilience // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – Art. 1308863. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1308863.
13. Darling-Hammond L. Teacher education around the world: What can we learn from international practice? // European Journal of Teacher Education. – 2017. – Vol. 40, No. 3. – P. 291–309. – DOI: 10.1080/02619768.2017.1315399.
14. Del Pino M.J., Matud M.P. Stress, mental symptoms and well-being in students: a gender analysis // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – Art. 1492324. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1492324.
15. European Students' Union. Bologna With Student Eyes. – Brussels: ESU, 2024.

16. Hrastinski S. What do we mean by blended learning? // TechTrends. – 2019. – Vol. 63, No. 5. – P. 564–569. – DOI: 10.1007/s11528-019-00375-5.
17. Kahu E.R., Nelson K. Student engagement in the educational interface // Higher Education Research & Development. – 2018. – Vol. 37, No. 1. – P. 58–71. – DOI: 10.1080/07294360.2017.1344197.
18. Lo W.Y.W. Trust and tension: shared governance in higher education amid student activism // Studies in Higher Education. – 2025. – Vol. 50, No. 12. – P. 3016–3031. – DOI: 10.1080/03075079.2024.2449243.
19. Malinka K. Perešini M., Firc A. et al. On the Educational Impact of ChatGPT: Is Artificial Intelligence Ready to Obtain a University Degree? // Proceedings of ITiCSE. – 2023. – P. 47–53. – DOI: 10.1145/3587102.3588827.
20. Martinez W.D., Casaleiro T., Menezes J.D.S. et al. Mental Health and Resilience in Nursing Students: A Longitudinal Study // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2025. – Vol. 22, No. 5. – Art. 735. – DOI: 10.3390/ijerph22050735.
21. Rahman M.M., Watanobe Y. ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies // Applied Sciences. – 2023. – Vol. 13, No. 9. – Art. 5783. – DOI: 10.3390/app13095783.
22. Shalabayev S., Xembayeva S., Antikeyeva S., Kudarova N., Kayumova M. The role of student self-government in universities in shaping managerial potential: a study of the development of leadership and organizational skills in Kazakhstan // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10. – Art. 1616869. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1616869.
23. Son C., Hegde S., Smith A., Wang X., Sasangohar F. Effects of COVID-19 on College Students' Mental Health in the United States: Interview Survey Study // Journal of Medical Internet Research. – 2020. – Vol. 22, No. 9. – DOI: 10.2196/21279.
24. Tinto V. Student retention and engagement in higher education // Journal of Further and Higher Education. – 2020. – Vol. 44, No. 1. – P. 1–16. – DOI: 10.1080/0309877X.2019.1576860.
25. Zepke N. Student engagement research in higher education: questioning an academic orthodoxy // Teaching in Higher Education. – 2014. – Vol. 19, No. 6. – P. 697–708. – DOI: 10.1080/13562517.2014.901956.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Статья поступила в редакцию: 03.07.2026

Статья принята к публикации: 16.07.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 377

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23228

Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования о познавательном интересе и способы его формирования в образовательных организациях

Гончарова Юлия Юрьевна

преподаватель,

Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение

Ленинградской области

Сланцевский индустриальный техникум,

РФ, г. Сланцы

E-mail: goncharova_sit47@mail.ru

Federal state educational standards for secondary vocational education on cognitive interest and methods of its formation in educational organizations

Goncharova Yulia Yuryevna

Teacher,

State Budgetary Professional

Educational Institution

Leningrad Region

Slantsy Industrial College,

Russia, Slantsy

Аннотация

В статье рассматривается роль познавательного интереса в системе среднего профессионального образования в контексте реализации требований федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС СПО). Проведен анализ нормативных положений, определяющих формирование мотивации к обучению, развитие общих и профессиональных компетенций, а также готовность студентов к непрерывному профессиональному самообразованию. Показано, что, несмотря на отсутствие в ФГОС СПО прямого определения познавательного интереса и критериев его сформированности, содержание образовательных стандартов ориентировано на развитие у обучающихся

Библиографическое описание: Гончарова Ю.Ю. Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования о познавательном интересе и способы его формирования в образовательных организациях // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23228>

устойчивой мотивации к познавательной деятельности, самостоятельному поиску информации, анализу и решению профессиональных задач. Особое внимание уделено рассмотрению педагогических подходов и технологий, способствующих развитию познавательного интереса, включая проблемное обучение, проектную деятельность, кейс-метод, исследовательские задания и интерактивные формы обучения. Проанализированы научные подходы к определению уровней познавательного интереса и его связи с формированием профессиональной направленности личности. Установлено, что использование активных образовательных технологий способствует развитию самостоятельности, критического мышления, исследовательских навыков, профессиональной мотивации и готовности студентов к адаптации в условиях современной экономики. Сделан вывод о том, что развитие познавательного интереса выступает одним из ключевых условий достижения планируемых образовательных результатов, повышения качества профессиональной подготовки и формирования конкурентоспособных специалистов, способных к непрерывному обучению и эффективной профессиональной деятельности.

Abstract

The article examines the role of cognitive interest in the system of secondary vocational education within the framework of the Federal State Educational Standards (FSSES SPE). The study analyzes the regulatory provisions governing the formation of learning motivation, the development of general and professional competencies, and students' readiness for continuous professional self-education. It is demonstrated that although the Federal State Educational Standards do not explicitly define cognitive interest or establish criteria for its assessment, they are focused on developing students' intrinsic motivation for learning, independent information retrieval, analytical thinking, and professional problem-solving. Particular attention is paid to pedagogical approaches and educational technologies that promote cognitive interest, including problem-based learning, project-based learning, case-study methods, research assignments, and interactive teaching methods. The paper also reviews theoretical approaches to identifying the levels of cognitive interest and examines its relationship with professional orientation and competence development. The analysis shows that the implementation of active learning technologies contributes to the development of students' independence, critical thinking, research skills, professional motivation, and adaptability to the demands of the modern labor market. It is concluded that the development of cognitive interest represents one of the fundamental conditions for achieving the intended educational outcomes, improving the quality of vocational training, and preparing competitive specialists capable of lifelong learning, professional self-development, and effective performance in a rapidly changing professional environment.

Ключевые слова: ФГОС СПО, познавательный интерес, качество образования, общие и профессиональные компетенции, мотивация, личностные результаты обучения, учебно-исследовательские задачи, проектная деятельность, кейс-методы, проблемное обучение, устойчивый интерес к профессии, профессиональный рост и развитие.

Keywords: Federal State Educational Standard for Secondary Vocational Education, cognitive interest, quality of education, general and professional competencies, motivation, personal learning outcomes, educational and research tasks, project activities, case methods, problem-based learning, sustained interest in a profession, professional growth and development.

Введение

В федеральных государственных образовательных стандартах среднего профессионального образования (ФГОС СПО) познавательный интерес рассматривается как важный фактор обучения, который влияет на качество образования, мотивацию студентов и их готовность к профессиональной деятельности. Отметим, что в стандартах нет четко обозначенных целей и задач, направленных на развитие познавательного интереса, но прописано, что в результате освоения программы у обучающегося должна быть сформирована мотивация к обучению и целенаправленной познавательной деятельности. Иначе говоря, стандарт задает цель не просто передать знания, а развить у студента внутреннее стремление к познанию, поиску, анализу. А в задачи образовательной организации и преподавателя входит подбор методов и форм работы, которые смогут пробудить эту мотивацию и укрепить ее.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили положения федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования, методические рекомендации по их реализации, а также научные публикации отечественных исследователей, посвященные проблемам формирования познавательного интереса, развития учебной мотивации и совершенствования образовательного процесса в системе среднего профессионального образования. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных педагогических методов, включающий анализ и обобщение нормативно-правовой и научно-методической литературы, сравнительный и системный анализ, а также метод научной интерпретации. Контент-анализ положений ФГОС СПО позволил выявить требования, опосредованно направленные на развитие познавательного интереса обучающихся, а сравнительный анализ научных подходов — определить наиболее эффективные педагогические технологии, обеспечивающие формирование устойчивой познавательной мотивации, развитие общих и профессиональных компетенций, а также готовности студентов к непрерывному самообразованию и профессиональному развитию. Комплексное применение указанных методов обеспечило всестороннее исследование роли познавательного интереса в достижении планируемых образовательных результатов и реализации компетентностного подхода в системе среднего профессионального образования.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим подробнее аспекты, связанные с познавательным интересом, которые можно обнаружить в федеральных госстандартах.

Во-первых, в стандартах закреплены компетенции общего и профессионального характера, формирование которых непосредственно связано с уровнем развития познавательного интереса у студентов. К примеру, в ФГОС СПО можно встретить такие формулировки как «проявлять устойчивый интерес к будущей профессии», что часто входит в общие компетенции, такие как ОК 1 [10]. Также стандарт может требовать, чтобы обучающийся умел самостоятельно ставить задачи учебного характера, искать информацию, применять знания в нестандартных ситуациях. Все это непосредственно опирается на достаточно высокий уровень познавательного интереса. Занимаясь профессиональной подготовкой студентов по специальности 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» отметим, что профессиональные компетенции в данной специальности направлены на развитие способности к самообразованию, самостоятельному поиску необходимой информации, личностному и профессиональному развитию [8]. Будущие бухгалтера или экономисты должны осознавать важность для общества своей будущей профессии, формировать к ней устойчивый интерес. От них требуются умения находить, оценивать и анализировать информацию для решения профессиональных задач и для саморазвития, осознанно формулировать цели последнего, выбирать пути обучения и повышения квалификации [8]. Компетенции такого рода формируют основу для непрерывного развития и профессионального роста. Устойчивый интерес к профессии – это и есть та почва, на которой растет познавательный интерес. Когда студент видит смысл и ценность того, что изучает, у него возникает естественная потребность глубже изучать тему, искать дополнительные источники, задавать вопросы.

Во-вторых, сам деятельностный подход, который заложен в современных ФГОС СПО, работает на развитие познавательного интереса. Стандарт ориентирует преподавателей не на передачу знаний, а вовлечение студентов в активную работу, чтобы они сами искали решение, занимались анализом, связывали теорию с практикой. В Методических рекомендациях по реализации ФГОС СПО [6] говорится, что для формирования общих компетенций нужно создавать мотивирующую среду, показывать практическую значимость материала, давать возможность студентам действовать самостоятельно, что стимулирует познавательный интерес.

В-третьих, познавательный интерес может побуждать к профессиональной деятельности, так как он создает базу для профессиональных убеждений и установок студентов, формирует познавательные потребности и ценностные ориентации [9].

В ФГОС СПО не содержится характеристика уровней познавательного интереса, но педагоги и методисты, работая в рамках ФГОС, ориентируются на психолого-педагогические модели, выделяющие эти уровни. Например, О.В. Маркелова [5] распределяет познавательный интерес по трем уровням – низкий (ситуативный), средний (системный) и высокий (творческий), которые оцениваются по определенным критериям (например, мотивационному, операционному и другим). Такой подход позволяет преподавателям поэтапно формировать познавательный интерес, реализуя педагогический принцип системности.

М.П. Алешина [1; 2] полагает, что для формирования познавательного интереса в рамках ФГОС СПО целесообразно применять такой метод как решение учебно-исследовательских задач, который предполагает самостоятельное приобретение новых

знаний в процессе поиска ответа. Автор подчеркивает, что учебно-исследовательские задачи не являются простыми упражнениями – это специально сконструированные проблемные ситуации, особенностью которых является то, что у них нет заранее известного ответа и он не может быть получен простым воспроизведением ранее полученных знаний. Студент должен выявить проблему самостоятельно, сформулировать гипотезу, спланировать поиск информации и проанализировать данные, потом проверить гипотезу на истинность или ложность, сделать выводы и представить результаты. Такой подход непосредственно связан с требованиями ФГОС СПО к формированию общих компетенций (например, «Организовывать собственную деятельность...» (ОК 2), «Принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях...» (ОК 3), «Осуществлять поиск и использование информации...» (ОК 4) [10]. По мнению М.П. Алешиной [1], данный метод является рабочим, так как он создает ситуацию познавательной потребности и запускает внутренний процесс поиска, пробуждает интерес, успешное самостоятельное решение задачи вызывает яркие положительные эмоции, укрепляет мотивацию, обеспечивает связь теории и практики и показывает студентам ценность изучаемых дисциплин для будущей профессии, развивает самостоятельность и уменьшает долю помощи преподавателя, формирует метапредметные умения. Для того чтобы метод действительно формировал устойчивый познавательный интерес, необходимо дифференцировать задачи по уровню сложности и предлагать их студентам с учетом уровня подготовки, сочетать индивидуальные и групповые формы работы, обеспечить доступ к информационным ресурсам, создать атмосферу поддержки – поощрять инициативу, не ругать за ошибки, отмечать ценность процесса поиска, также важно связывать результаты с реальной практикой.

М.Р. Мирзоев [7] рассматривает активизацию познавательной деятельности не как цель, а как эффективный инструмент достижения образовательных результатов, в том числе развития познавательного интереса, заданных ФГОС СПО. Согласно подходу М.Р. Мирзоева, требования образовательного стандарта призывают педагогов делать выбор в пользу технологий, стимулирующих познавательный интерес, что обусловлено необходимостью формировать у студентов не только знания, но и компетенции, позволяющие применять их в профессиональной деятельности. Основными стратегиями, способствующими достижению этих целей, является проблемное обучение, проектная деятельность, кейс-методы, исследовательские задания и интерактивные формы обучения.

При проблемном обучении педагогу важно формулировать вопросы с неоднозначным ответом, предлагать задачи с неполными данными, чтобы студенты самостоятельно искали недостающую информацию, использовать противоречия между теорией и практикой. В итоге развивается аналитическое мышление, умение видеть проблему с разных сторон, формируется мотивация к углубленному изучению предмета или темы. Проектная деятельность может варьироваться по масштабу и сложности и включать учебные мини-проекты (1 – 2 занятия, к которым студенты готовят презентации, памятки, составляют сравнительные таблицы), междисциплинарные проекты (несколько недель, когда студенты разрабатывают бизнес-планы, что-либо проектируют или производят расчеты) и долгосрочные проекты (семестр или учебный год, когда проводятся исследовательские работы или идет подготовка к конкурсам профессионального мастерства). В результате формируется целый комплекс компетенций от планирования до презентации результатов,

а знания осваиваются через практику. Кейс-методы предполагают работу с реальными или моделированными профессиональными ситуациями. Вся деятельность студентов делится на такие этапы как анализ ситуации и выявление проблемы, поиск возможных решений, оценку последствий каждого варианта, выбор оптимального решения и его обоснование, презентация и защита решения перед группой. Познавательный интерес развивается в данном случае через применение теории в конкретных условиях, принятие решений, аргументацию своей позиции. Исследовательские задания направлены на самостоятельное добывание знаний и могут иметь следующие формы: мини-исследования, обзоры научных статей по актуальной проблеме специальности, анкетирование или опрос для сбора данных, эксперименты в лабораториях, на тренажерах или в виртуальной среде. Познавательный интерес в этом случае способствует развитию навыков поиска, анализа и интерпретации информации, критического мышления, самостоятельности. Интерактивные формы обучения создают среду для активного взаимодействия и обмена идеями. Это могут быть деловые игры, основанные на моделировании рабочих процессов, дискуссии и дебаты, мозговые штурмы для обсуждения профессиональных проблем или сравнения технологий, воркшопы – практические мастер-классы под руководством наставника. Как следствие, повышается вовлеченность, развиваются коммуникативные навыки, умение работать в команде [7].

Заключение

Таким образом, анализ федеральных государственных стандартов среднего профессионального образования показывает, что познавательный интерес играет существенную роль в достижении планируемых образовательных результатов. Его развитие способствует формированию общих и профессиональных компетенций, создает почву для формирования мотивации к обучению, подготовки конкурентоспособных специалистов, способных к непрерывному самообразованию и адаптации к динамично меняющейся профессиональной среде. Реализация технологий, направленных на развитие познавательного интереса, позволяет не только соответствовать требованиям ФГОС СПО, но и повышать качество профессиональной подготовки студентов, подготавливая их принимать вызовы современной экономики.

Список литературы

1. Алешина, М.П. Учебно-исследовательские задачи как средство развития познавательного интереса у студентов педагогических колледжей в процессе обучения математике: диссертация. канд. пед. наук: 5.8.2. / Алешина Мария Павловна. – Омск. – 2023. – 168 с.
2. Алешина М.П. Структурно-функциональная модель развития познавательного интереса у студентов педагогических колледжей в процессе обучения математике средствами учебно-исследовательских задач // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2021. – Т. 10, № 4. – С. 5–9.
3. Захарченко Е.А., Бакиева О.А. Проблемы развития познавательных интересов // Педагогический вестник. – 2022. – № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-of-development-of-cognitive-interests> (дата обращения: 23.05.2026).

4. Исмаилова Р.К., Алиомаров Л.М. Развитие исследовательской и познавательной активности студентов // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-issledovatel'skoy-i-poznavatel'noy-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 29.05.2026).
5. Маркелова О.В. Методика развития познавательной активности студентов техникума в процессе обучения информатике: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Маркелова Ольга Владимировна. – Красноярск. – 2019. – 191 с.
6. Методические рекомендации по реализации общих компетенций в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами среднего профессионального образования. – М.: ФГБОУ ДПО ИРПО, 2023. – 42 с.
7. Мирзоев М.Р. Активизация познавательной деятельности студентов в условиях реализации ФГОС СПО [Электронный ресурс]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/aktivizaciya-poznavatel'noy-deyatelnosti-.16489499264/> (дата обращения: 11.05.2026).
8. Приказ Минпросвещения России от 24.06.2024 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.07.2024 № 78944) [Электронный ресурс]. – № 437. URL: <http://www.unn.ru/sveden/files/docs/edustandarts/2024/spo/38.02.01.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).
9. Прокофьева О.Н., Мурашова Е.А. Формирование познавательного интереса студентов в процессе проектного обучения в организациях СПО // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 73. – С. 249–251.
10. Федеральные государственные образовательные стандарты [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 16.05.2026).

References

1. Aleshina M.P. [Educational and research tasks as a means of developing cognitive interest among students of pedagogical colleges in the process of teaching mathematics: dissertation. candidate of pedagogical sciences: 5.8.2] // Aleshina Maria Pavlovna. – 2023. (In Russ.)
2. Aleshina M.P. [Structural-functional model of the development of cognitive interest among students of pedagogical colleges in the process of teaching mathematics using educational and research tasks] // Vestnik Sibirskiy Instituta Biznesa i Informatsionnykh Tekhnologiy. – 2021. – Vol. 10, No. 4. – P. 5–9. (In Russ.)
3. Zakharchenko E.A., Bakieva O.A. Problems of developing cognitive interests // Pedagogical Bulletin. – 2022. – No. 23 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-poznavatel'nyh-interesov> (дата обращения: 23.05.2026).
4. Ismailova R.K., Aliomarov L.M. Development of students' research and cognitive activity // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – No. 4 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-issledovatel'skoy-i-poznavatel'noy-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 29.05.2026).

5. Markelova O.V. [Methodology for developing cognitive activity of technical college students in the process of teaching informatics: dissertation. candidate of pedagogical sciences: 13.00.02] // Markelova Olga Vladimirovna. – 2019. (In Russ.)
6. Methodological recommendations for the implementation of general competencies in accordance with the federal state educational standards of secondary vocational education. – Moscow: FGBOU DPO IRPO, 2023. – 42 P. (In Russ.)
7. Mirzoev M.R. [Activation of cognitive activity of students in the context of implementing FSES SPO] // . – URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/aktivizaciya-poznavatelnoy-deyatelnosti-.16489499264/> (дата обращения: 11.05.2026). (In Russ.)
8. Order of the Ministry of Education of Russia dated 24.06.2024 No. 437 [On approval of the federal state educational standard of secondary vocational education in the specialty 38.02.01 Economics and Accounting (by industries)] // Registered in the Ministry of Justice of Russia 30.07.2024 No. 78944 – URL: <http://www.unn.ru/sveden/files/docs/edustandarts/2024/spo/38.02.01.pdf> (accessed: 19.05.2026). (In Russ.)
9. Prokofyeva O.N., Murashova E.A. [Formation of students' cognitive interest in the process of project-based learning in SPO organizations] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – No. 73. – P. 249–251. (In Russ.)
10. – URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 16.05.2026). (In Russ.)

ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья поступила в редакцию: 27.05.2026

Статья принята к публикации: 23.06.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 159.9

Психологическая зависимость покупателей от брендов

Ельцова Арина Максимовна

студент

Филиал ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет в г. Воткинске

Российская Федерация, г. Воткинск

E-mail: swagggg.rr@gmail.com

Ардашева Галина Николаевна

зав. кафедрой педагогики и социально-экономических дисциплин, канд. экон. наук, доц.

ст. науч. сотр. Филиал ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет в г.

Воткинске

Российская Федерация, г. Воткинск

E-mail: ardashevavudgu@yandex.ru

Psychological addiction of buyers on brands

Eltsova Arina Maksimovna

student of the Udmurt State University in Votkinsk

Russia, Votkinsk

Ardasheva Galina Nikolaevna

Head of the Department of Pedagogy and Socio-Economic Disciplines, Candidate of Economic

Sciences, Associate Professor, Senior Researcher Branch of the Udmurt State University in Votkinsk

Russia, Votkinsk

Аннотация

В современном маркетинге бренды всё чаще выступают не просто индикаторами качества, а инструментами самоидентификации, что способствует формированию у потребителей стойкой психологической зависимости. Данная статья посвящена анализу феномена «брендозависимости» как фактора, дестабилизирующего личный бюджет. Автор проводит чёткую границу между конструктивной лояльностью бренду и компульсивной тягой к покупкам, которая игнорирует рациональные доводы и финансовые ограничения. В

Библиографическое описание: Ельцова А.М., Ардашева Г.Н. Психологическая зависимость покупателей от брендов // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23080>

работе описаны биологические механизмы: активация зон вознаграждения и префронтальной коры при виде знакомого логотипа по данным фМРТ, а также когнитивные искажения, включая дисфункцию контроля импульсов, лежащие в основе навязчивого потребления. Особое внимание уделяется финансовым последствиям. На основе статистических данных CDEK.Shopping и Росстата показан рост рынка люксовых товаров в России: доля люкса выросла с 10 до 17 процентов за год, объём заказов из-за рубежа увеличился на 52 процента. Также рассматривается уязвимость молодёжи с неустойчивой самооценкой. В качестве решений предложены образовательные инструменты по нейромаркетингу, техника отложенного спроса на 48–72 часа и смещение фокуса на внутренние ценности через дневник финансовых достижений. Автор делает вывод, что развитие психологической и финансовой грамотности позволяет сохранять лояльность брендам без разрушения личного бюджета.

Abstract

In modern marketing, brands are increasingly becoming not just indicators of quality, but also tools for self-identification, which can lead to persistent psychological dependencies among consumers. This article focuses on analyzing the phenomenon of «brand addiction» as a factor that can destabilize personal budgets. The author draws a clear distinction between constructive brand loyalty and compulsive shopping habits that disregard rational considerations and financial constraints. The article explores the biological mechanisms behind this phenomenon: activation of reward and prefrontal cortex areas in response to a familiar logo, as measured by fMRI, as well as cognitive distortions, including impulse control dysfunction, underlying compulsive consumption. Special attention is given to the financial consequences. Based on statistical data from CDEK.Shopping and Rosstat, the growth of the luxury goods market in Russia is shown: the share of luxury goods increased from 10 to 17 percent over the year, and the volume of orders from abroad increased by 52 percent. The vulnerability of young people with unstable self-esteem is also discussed. As solutions, the author suggests educational tools for neuromarketing, the technique of delayed demand for 48 – 72 hours, and shifting the focus to internal values through a financial achievement diary. The author concludes that developing psychological and financial literacy allows individuals to maintain their loyalty to brands without compromising their personal budgets.

Ключевые слова: брендозависимость, покупательское поведение, когнитивные искажения, осознанное потребление, люксовые бренды.

Keywords: brand addiction, consumer behavior, cognitive biases, conscious consumption, luxury brands.

Введение

В современном мире товаров слишком много. Маркетинг стал агрессивным. Отношения потребителя и бренда давно вышли за рамки простой функции. Сегодня бренд не только гарантирует качество. Он служит инструментом самоидентификации. Через марку человек выражает ценности, эмоции и чувства. Маркетинговые технологии развиваются стремительно. Из-за этого граница между обычным удобством и нездоровой привязанностью становится трудноразличимой. Потребитель рискует не заметить момента, когда желание

обладать продуктом становится навязчивой потребностью. В ход перестают идти рациональные доводы. Финансовые аргументы игнорируются. В такой ситуации возникает необходимость выяснить: не сформировалась ли у покупателя настоящая зависимость.

Цель исследования – выявить психологические и нейрофизиологические механизмы формирования зависимости от брендов и оценить её влияние на личный бюджет потребителя. Объектом исследования является психологическая зависимость покупателей от брендов.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Провести границу между конструктивной лояльностью бренду и деструктивной брендозависимостью.
- 2) Описать биологические и когнитивные механизмы компульсивного покупательского поведения.
- 3) Проанализировать статистические данные о динамике спроса на люксовые товары в России.
- 4) Предложить практические приёмы для снижения рисков импульсивных трат и формирования осознанного потребления.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе теоретического анализа научной литературы по психологии потребления, нейромаркетингу и поведенческой экономике. Для анализа нейрофизиологических механизмов привлекались данные функциональной магнитно-резонансной томографии, представленные в зарубежных исследованиях. Эмпирическая часть основана на вторичном анализе статистических данных, опубликованных Росстатом, аналитическим сервисом CDEK.Shopping и информационными агентствами РБК Life, Life.ru. Рассмотрены динамика объёмов заказов люксовых товаров, средний чек, гендерная структура спроса и географическая переориентация импорта. В качестве основных методов использованы: сравнительный анализ, обобщение, систематизация и метод графической интерпретации данных. Всего проанализировано 10 публикаций.

Результаты и обсуждение

Раньше маркетинг стремился воспитать у покупателя конструктивную преданность. Сегодня исследователи всё чаще разводят два понятия. Это «любовь к бренду» и «зависимость от бренда». Конструктивная преданность означает осознанный выбор. Покупатель доволен качеством товара и опирается на рациональные доводы. Зависимость устроена иначе. Человек не может отказаться от покупки. Он игнорирует объективно более выгодные альтернативы. Радость приносит не столько функция вещи, сколько сам факт обладания предметом от конкретной марки. Для потребителя определяющее значение приобретает эмоциональное подкрепление, обусловленное ассоциацией с брендом. Бренд встраивается в его идентичность. Именно этот процесс отличает зависимость от обычной лояльности и даже от демонстративного потребления [10]. Человек перестаёт разделять, где заканчивается его личность и начинается брендируемое поведение. Отказ от марки ощущается как потеря части себя.

На сегодняшний день процесс восприятия бренда представлен двумя способами – путем прямого взаимодействия бренда и покупателя, или же путем изучения информации из иных второстепенных источников [1]. Отмечается, что итогом восприятия становится имидж бренда – совокупность ассоциации и качеств, хранящихся в памяти покупателя.

Понятие глубины проблемы, прослеживается в обращении к нейрофизиологии потребительского выбора. Когда человек видит логотип любимой марки, мозг не просто обрабатывает картинку. Активируются зоны, ответственные за эмоции и систему вознаграждения. Исследование нейронных корреляций брендовых предпочтений проводилось с помощью функциональной МРТ. Результаты показали: при виде любимого бренда у потребителей растёт активность в префронтальной коре и структурах, связанных с удовольствием [8]. Нейрофизиологическая реакция на желанный товар напоминает реакцию на стимулы при других формах зависимости. Это многое объясняет. Осознание нецелесообразности покупки отходит на второй план. Лимбическая система требует незамедлительного подкрепления. Она подавляет активность префронтальной коры. А ведь именно эта зона отвечает за рассудок и долгосрочное планирование бюджета.

Для понятия связи психологии с потерей финансового контроля, мы можем проследить в обзоре природы компульсивного и импульсивного потребления. Важную деталь подчеркивает один из таких обзоров.

Проблемное использование социальных сетей и компульсивное покупательское поведение имеют общие когнитивные корни. Речь идёт о дисфункции контроля импульсов и сбое исполнительных функций [3]. Зависимый потребитель действует под влиянием импульса. Он не успевает критически оценить последствия для личного бюджета. Позже подключается компульсивная составляющая. Возникает непреодолимое желание снять тревогу с помощью повторной покупки. Внутреннее напряжение требует разрядки. Так поведение переходит в зависимость. Импульсивная трата приносит кратковременное облегчение. Затем возникают финансовые проблемы. Дискомфорт нарастает. Человек снова «лечит» его новым приобретением. В результате происходит последовательное ухудшение финансового положения потребителя.

Определённую уязвимость перед брендозависимостью демонстрирует молодёжь. У этой группы зависимость от брендов оборачивается серьёзными финансовыми потерями. Исследования показывают чёткую связь. Навязчивое покупательское поведение сопряжено с проблемами самовосприятия [6]. Молодые люди с неустойчивой самооценкой склонны покупать дорогие брендовые вещи не ради их прямых функций. Ими движет желание компенсировать внутреннюю неуверенность. Деньги тратятся не на реальные потребности. Они не идут на создание финансовой резерва. Средства уходят на поддержание образа перед референтной группой. Доходы молодёжи обычно ограничены. Молодых людей нельзя назвать легкой аудиторией для бренд-менеджеров, молодёжь непостоянна, её вкусы меняются быстро и непредсказуемы, она может внезапно полюбить определенный бренд, и столь же внезапно охладеть к нему [4]. В таких условиях подобное поведение ведёт к закономерному итогу. Человек либо принимает на себя неоправданные кредитные обязательства, либо оказывается в состоянии финансовой нестабильности.

По данным РОССТАТа предприниматели и молодежь впали в потребительский пессимизм. Это связано не только с ухудшением материального положения, но и с уходом популярных брендов: IKEA, MacDonald s, Nike и другие [7]. Стоить отменить, люди стремятся к стабильности и пытаются её получить через привязанность к определенному бренду, но данная позиция ошибочна. В мире есть много других брендов, которые дают больше привилегий, бонусов и защиты.

Финансовую опасность брендозависимости можно наглядно проиллюстрировать данными о росте рынка люксовых товаров в России. В то время как рациональное потребление подразумевает планирование расходов и приоритет накоплений, статистика демонстрирует противоположную тенденцию, свидетельствующую о росте эмоциональных и статусных трат. Согласно аналитическим данным CDEK.Shopping рассмотрим статистику покупателей в зависимости от гендерной принадлежности (рис.1).

Рисунок 1. Соотношение покупателей по половому признаку

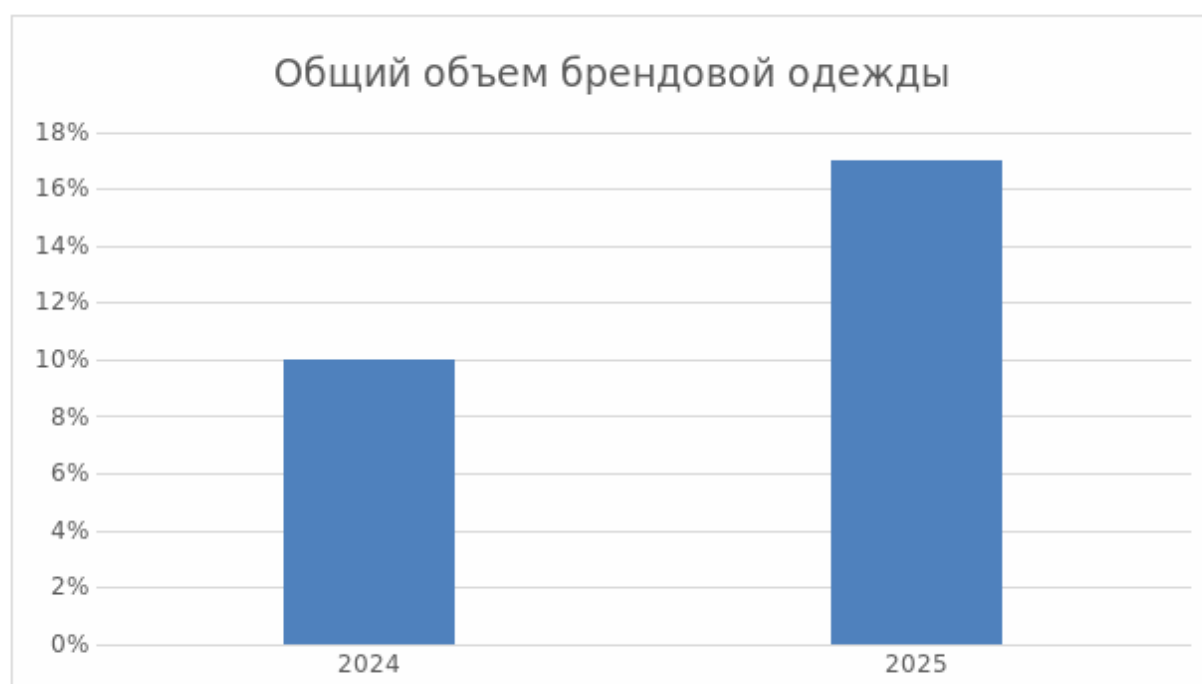

Рисунок 2. Объем люксовых товаров

Рисунок 1 демонстрирует, что основу спроса по-прежнему занимает женская аудитория (55 %). На первом месте объектами влечения оказывается сумки и верхняя одежда, которые как правило носят эмоциональные отношения, чем полезную ценность. Мужская же аудитория, наоборот сократилась до 45 % [9].

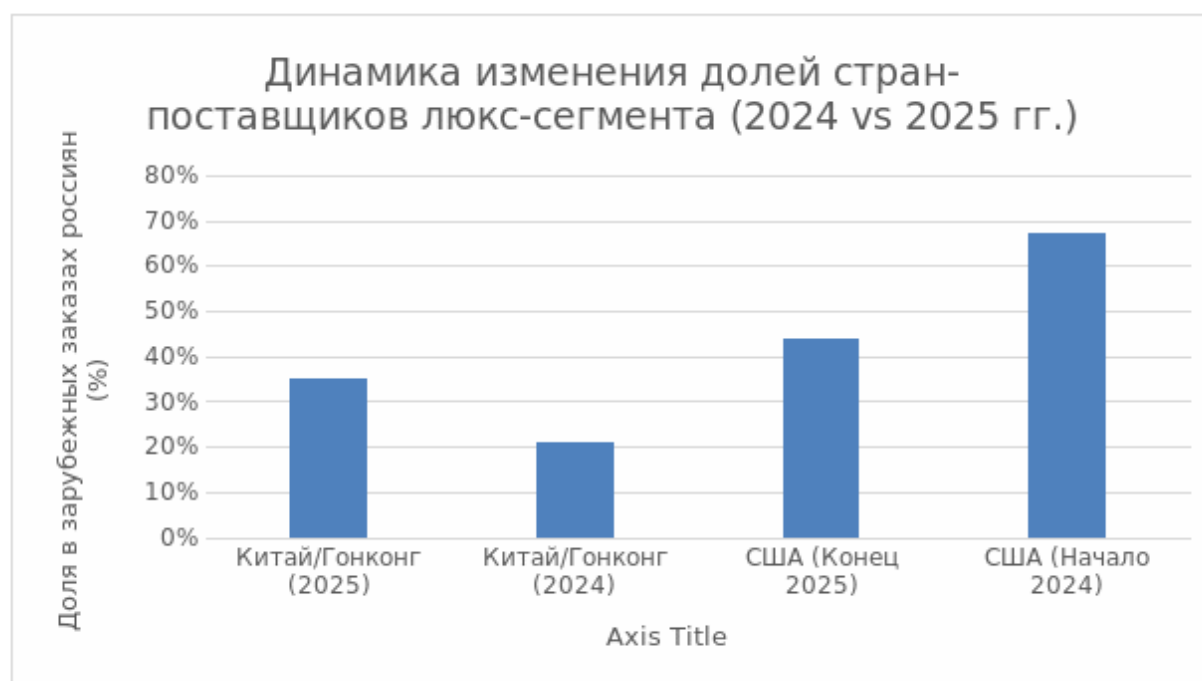

Рисунок 3. Динамика изменения объемов поставок

Рисунок 2 демонстрирует, как спрос россиян на люксовые бренды за год вырос почти в два раза, а часть люксовых товаров в общем объеме российского fashion-рынка увеличилась с 10 % в 2024 году до 17 % в 2025-м; при этом средний чек вырос с 47 тыс. до 53,5 тыс. рублей [9].

С позиций управления личными финансами, увеличение среднего чека в сегменте люкс при общей экономической нестабильности является тревожным сигналом. Это означает, что все большая часть дохода населения направляется на удовлетворение не базовых нужд, а навязанной брендами потребности в статусе, что неизбежно сокращает норму сбережений.

Рисунок 3 демонстрирует что, россияне стали значительно чаще заказывать люксовые товары из-за рубежа. За первые девять месяцев 2025 года количество таких заказов выросло на 52 % по сравнению с тем же периодом прошлого года. Рассматривая географическую переориентацию импорта предметов роскоши, необходимо детально проанализировать динамику долей стран-поставщиков. Снижение доминирования западных рынков и экспансия азиатского региона коренным образом меняют поведенческие паттерны. Российский потребитель быстро адаптировался к альтернативным каналам дистрибуции через платформы трансграничной торговли. Большую долю 67 % люксовых товаров в Россию поступает из США [2].

Помимо прямой переплаты за бренд, зависимость порождает иррациональное потребительское поведение. Возникает чувство, что человек обязан купить определённый товар. При невозможности вступить во взаимодействие с брендом потребитель испытывает сильное раздражение или тревогу [10]. Маркетологи умело используют страх дефицита и упущенной выгоды. На этих чувствах строятся рекламные акции. Товар объявляется лимитированным. Цену сперва искусственно завышают. Затем предлагают якобы крупную скидку. В этот момент покупатель совершает сделку. Не потому, что вещь нужна ему по факту. А потому, что сложились подходящие условия для покупки. Деньги тратятся не на товар. Они уходят на эмоциональную разрядку.

Финансово грамотное поведение не означает полный аскетизм. Оно не требует отказа от удовольствия пользоваться качественными вещами. Речь идёт об осознанности. Важно уметь отличать истинную любовь к бренду от навязанной зависимости. Сравнительный анализ данных демонстрирует разницу. Любовь к бренду включает привязанность. Но она оставляет место для рациональной оценки. Если марка перестаёт отвечать требованиям качества, такое чувство угасает. Зависимость устроена иначе. Она иррациональна и держится вопреки негативным последствиям [5]. Зависимый потребитель продолжает приобретать продукт, даже осознавая, что это приводит к нанесению ущерба собственному бюджету. Рационально-лояльный потребитель способен на другое поведение. При изменении финансовых обстоятельств он откажется от покупки. Или спокойно переключится на другой бренд.

В связи со сложившейся ситуацией, требуется поиск решения проблемы зависимости от брендов. В рамках данной статьи, будут предложены пути решения данной ситуации:

Во-первых, нужны образовательные инструменты. Они должны объяснять механизмы когнитивных искажений. Человек узнаёт, что вид логотипа запускает нейронную «награду» [8]. Он понимает, что компульсивное поведение - это попытка эмоциональной регуляции [3]. С этими знаниями проще отследить подобные ловушки в собственном

поведении. Финансовое просвещение не должно сводиться к умению считать проценты по вкладам и кредитам. Стоит включать в него информацию о нейромаркетинге. Это научит распознавать момент, когда реклама обращается не к разуму. Она бьёт напрямую в дофаминовую систему мозга.

Во-вторых, на индивидуальном уровне хорошо работает техника «отложенного спроса». Импульсивность требует немедленного удовлетворения. На этом и строится зависимость [3]. Можно волевым решением ввести простое правило. Любая дорогостоящая покупка, связанная с любимым брендом, откладывается на 48 или 72 часа. За это время острота эмоционального импульса неизбежно спадает. Включаются фронтальные зоны коры головного мозга. Они отвечают за прогнозирование последствий. Человек успевает проанализировать трату. Он сверяет её с финансовым планом. Проверяет, не противоречит ли она долгосрочным целям. Если по истечении срока желание не пропало и бюджет позволяет – покупка становится осознанным выбором. Это уже не неконтролируемый импульс.

В-третьих, важно сместить фокус с внешней атрибутики на внутренние ценности. Зависимость часто держится на встраивании бренда в личную идентификацию. Значит, надо развивать альтернативные источники самоопределения. Такие, что не связаны с потреблением [10]. Хороший инструмент – дневник финансовых достижений. В нём фиксируется не сумма потраченных денег. Записывается сумма сэкономленных и преумноженных средств. Это становится альтернативным источником дофаминового подкрепления. Вместо удовольствия от обладания брендовой сумкой люксового класса человек испытывает гордость от роста инвестиций. Радость приносит накопленная финансовая подушка. Такое замещение имеет нейробиологическую основу. Оно позволяет перенаправить активность системы вознаграждения в конструктивное русло.

При внедрении данных предложений процент изменений психологической зависимости покупателей от брендов составит 60 %.

Заключение

Психологическая зависимость от брендов – это не узкая проблема из области психологии потребления. Она всерьёз расшатывает личные финансы человека. Истинные потребности вытесняются навязанными. Этот сбой закреплён нейрофизиологическими механизмами удовольствия и когнитивными искажениями. Люди раз за разом тратят больше, чем могут себе позволить. Сбережения тают. Растут риски увязнуть в кредитах. Статистика трат на люксовые товары, особенно среди молодёжи, подтверждает масштаб происходящего. Решение не в том, чтобы полностью отказаться от брендов. Нужно развивать психологические и финансовые знания. Нужно учиться замечать момент, когда лояльность перетекает в зависимость. Если человек понимает основы работы собственного мозга и владеет финансовой грамотностью, его сложнее поймать на маркетинговые уловки. Он может спокойно пользоваться качественными вещами и не наносить ущерб личному бюджету.

В заключение есть основания полагать, что представленный анализ и материал поможет нам глубже понять психологию зависимости покупателей от брендов, понимание этой проблемы будет способствовать не только более рациональному выбору товаров покупателем, но и в дальнейшем способствовать сохранению его стабильного финансового благополучия.

Список литературы

1. Березовский К.С. Восприятие брендов через призму потребительского поведения // Молодой ученый. – 2024. – № 18. – С. 503–505. URL: <https://moluch.ru/archive/517/113733> (дата обращения: 04.06.2026).
2. Демьянова Н. Россияне стали чаще заказывать дорогие люксовые товары в Китае. Исследование [Электронный ресурс]. // Life. – 2025. URL: <https://life.ru/p/1818912> (дата обращения: 21.04.2026).
3. Жана Тейсежан, Тобиас А. Томас, Фэй Б.В. Услати, Анника Кесслинг, Элиса Вегманн, Астрид Мюллер и Мэтиас Бранд. Аффективные и когнитивные функции, импульсивность и компульсивность проблемном использовании социальных сетей и компульсивном шоппинге: систематический обзор // Current Addiction Reports. – 2025. – DOI: 10.1007/s40429-025-00688-x.
4. Крылова А.А. Влияние бренда на потребителя // Молодой ученый. – 2021. – № 18. – С. 257–259. URL: <https://moluch.ru/archive/360/80604> (дата обращения: 04.06.2026).
5. Ле М.Т. Х., Нгуен. Т.К., МакКлелланд Р., Антунеш П., Тхуан Н.Х. Изучение разницы между брендозависимостью и брендолояльностью: всесторонний анализ // Азиатско-Тихоокеанский журнал маркетинга и логистики. – 2025. – DOI: 10.1108/APJML-11-2024-1661.
6. Нада А. Гохар, Дина М. Магди, Ариж А. Абдуллах, Гали, Марзук, Диана А. Солиман и Самия Адли Ханна Эль Шейх. Исследование предпосылок обсессивно-компульсивного покупательского поведения студентов в отношении одежды: посредническая роль привязки к бренду // Журнал «Будущее бизнеса». – 2023. – DOI: 10.1186/s43093-023-00280-7.
7. Рязанцев А. Зависимость от брендов – психология привязанности [Электронный ресурс]. // AP Александр Рязанцев. – 2022. URL: <https://aryazancev.ru/zavisimost-ot-brendov-psiologija-privjazannosti/> (дата обращения: 04.06.2026).
8. Сенал Пейрис, Майкл Дж Тобиа, Эндрю Смит, Эмили Гран, Ромми Эльян, Пол Дж Эслингер, Цинь Сь Ян, Прасанна Карунанайяка. Нейронные корреляции предпочтений в выборе марки шоколада: исследование с помощью MPT // Appetite. – 2024. – DOI: 10.1111/jon.13203.
9. Хмурковская А. Россияне стали чаще покупать товары люксовых брендов. Исследование [Электронный ресурс]. // РБК Life. – 2025. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/682d6e639a79476cad4035d1> (дата обращения: 21.04.2026).

10. Шаповал О.А. От лояльности к «зависимости»: негативные аспекты отношений с брендом // Сибирский психологический журнал. – 2025. – № 96. – С. 230–240. – DOI: 10.17223/17267080/96/12.

References

1. Berezovskii K.S. [Perception of brands through the lens of consumer behavior] // Molodoi uchenyi. – 2024. – No. 18. – P. 503–505. – URL: <https://moluch.ru/archive/517/113733> (дата обращения: 04.06.2026). (In Russ.)
2. Demyanova N. [Russians have begun to order expensive luxury goods from China more often. A study] // Life. – 2025. – URL: <https://life.ru/p/1818912> (дата обращения: 21.04.2026). (In Russ.)
3. Teisezhan Z., Thomas T.A., Uslati F.B.W., Kessling A., Wegmann E., Müller A., Br, M. [Affective and cognitive functions, impulsivity and compulsivity in problematic social media use and compulsive shopping: a systematic review] // Current Addiction Reports. – 2025. – DOI: 10.1007/s40429-025-00688-x.
4. Gohar N.A., Magdi D.M., Abdullah A.A. Ghaly, Marzouk, Soliman D.A., El Sheikh S.A.H. [Investigating the antecedents of obsessive-compulsive shopping behavior among students towards clothing: the mediating role of brand attachment] // Future Business Journal. – 2023. – DOI: 10.1186/s43093-023-00280-7.
5. Peiris S., Tobia M.J., Smith A., Gran E., Elyan R., Eslinger P.J., Yang Q.S., Karunanayaka P. [Neural correlates of preferences in chocolate brand choice: an MRI study] // Appetite. – 2024. – DOI: 10.1111/jon.13203.
6. Ryazantsev A. [Brand addiction: the psychology of attachment] // AR Aleksandr Ryazantsev. – 2022. – URL: <https://aryazancev.ru/zavisimost-ot-brendov-psihologija-privjazannosti/> (дата обращения: 04.06.2026). (In Russ.)
7. Khmurkovskaya A. [Russians have begun to buy luxury brand goods more often. A study] // RBC Life. – 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/682d6e639a79476cad4035d1> (дата обращения: 21.04.2026). (In Russ.)
8. Shapoval O.A. [From loyalty to “addiction”: negative aspects of brand relationships] // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. – 2025. – No. 96. – P. 230–240. – DOI: 10.17223/17267080/96/12. (In Russ.)
9. Krylova A.A. [The influence of a brand on the consumer] // Molodoi uchenyi. – 2021. – No. 18. – P. 257–259. – URL: <https://moluch.ru/archive/360/80604> (дата обращения: 04.06.2026). (In Russ.)
10. Le M.T.H., Nguyen T.K. McClelland R., Antunes P., Thuan N.H. [Exploring the difference between brand addiction and brand loyalty: a comprehensive analysis] // Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics. – 2025. – DOI: 10.1108/APJML-11-2024-1661.

Статья поступила в редакцию: 29.07.2026

Статья принята к публикации: 01.08.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 159.9:2 – 535

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23250

Магическое мышление в психологии: клинический ярлык, символическая логика и проблема скрытой магизации психотехник

Конкин Александр Сергеевич

врач-педиатр, клинический и семейный психолог, этнопсихолог, независимый исследователь

Российская Федерация, г. Москва

ORCID: 0009-0004-4258-0557

E-mail: i@akonkin.ru

Magical thinking in psychology: clinical label, symbolic logic, and the problem of hidden magization in psychotechniques

Konkin Alexander Sergeevich

Pediatrician, clinical and family psychologist, ethnopsychologist, independent researcher

Russia, Moscow

Аннотация

В статье рассматривается терминологическая проблема, связанная с понятием «магическое мышление» в современной психологической и психотерапевтической практике. Показано, что в клиническом дискурсе термин нередко используется как обобщающий и оценочный ярлык, обозначающий дезадаптивные, инфантильные или иррациональные формы связи между мыслью, словом, ритуалом и предполагаемым результатом. Вместе с тем анализ психотерапевтической практики и данных антропологии медицины демонстрирует, что многие психотехнические методы сами опираются на символ, образ, ритуал и веру в преобразующую силу действия, то есть на механизмы, структурно родственные тем, что в клинической традиции описываются как магическое мышление. На основе сопоставления клинических, психотерапевтических, антропологических и этнопсихологических источников предложено различать четыре уровня анализа феномена: клинический (дезорганизирующий), культурно-нормативный, психотехнический (терапевтически продуктивный) и эпистемологический — объясняющий, почему одни формы символического действия получают статус науки, а другие — статус магии. Обосновывается необходимость понятийного разведения и более точной атрибуции соответствующих феноменов вместо использования единого недифференцированного термина

Библиографическое описание: Конкин А.С. Магическое мышление в психологии: клинический ярлык, символическая логика и проблема скрытой магизации психотехник // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23250>

Abstract

This article addresses a terminological problem associated with the concept of «magical thinking» in contemporary psychological and psychotherapeutic practice. It is shown that in clinical discourse the term is often used as a broad evaluative label denoting maladaptive, infantile, or irrational forms of connection between thought, word, ritual, and an assumed outcome. At the same time, analysis of psychotherapeutic practice and medical-anthropological data demonstrates that many psychotechnical methods themselves rely on symbol, image, ritual, and belief in the transformative power of action — mechanisms structurally related to those described in the clinical tradition as magical thinking. Drawing on clinical, psychotherapeutic, anthropological, and ethnopsychological sources, the article proposes distinguishing four levels of analysis of the phenomenon: clinical (disorganizing), culturally normative, psychotechnical (therapeutically productive), and epistemological — explaining why certain forms of symbolic action are granted the status of science while others are labeled magic. The article argues for a conceptual differentiation and a more precise attribution of these phenomena instead of relying on a single undifferentiated term.

Ключевые слова: магическое мышление, психотерапия, символическая эффективность, ритуал, этнопсихология, психотехника, клинический дискурс, культурная антропология, плацебо-эффект, символдрама.

Keywords: magical thinking, psychotherapy, symbolic efficacy, ritual, ethnopsychology, psychotechnique, clinical discourse, cultural anthropology, placebo effect, guided affective imagery.

Введение

Термин «магическое мышление» давно вышел за пределы узкой клинической диагностики и используется в самых разных контекстах: от описания обсессивных страхов и защитных копинг-стратегий до анализа детского восприятия действительности, рекламных технологий и духовных практик [4; 5; 6; 17]. В результате понятие утратило терминологическую строгость и одновременно выполняет функции объяснительного конструкта, диагностического критерия и оценочного, стигматизирующего ярлыка.

Особенно заметно данное противоречие в психотерапевтической практике. С одной стороны, специалист нередко квалифицирует веру клиента в действенность ритуала, приметы или символического действия как проявление магического мышления — признак незрелости, тревожного контроля или искажённой картины причинности [1; 2; 8]. С другой стороны, сама психотерапия систематически использует образы, метафоры, ритуализированные форматы взаимодействия и символические действия, которым приписывается реорганизирующий, терапевтический эффект [7; 9; 10; 16]. Возникает исследовательский вопрос: является ли магическое мышление клинической аномалией, культурно-нормативной формой организации опыта или скрытой структурной основой ряда психотехнических практик?

Актуальность ответа на этот вопрос обусловлена не только теоретическими, но и практическими соображениями. Чрезмерно широкое употребление термина стирает различие между патологическим, культурно нормальным и профессионально продуктивным использованием символической причинности, превращая аналитическую категорию

в оценочную метку. Цель настоящей статьи — на основе анализа клинической, психотерапевтической, антропологической и этнопсихологической литературы обосновать необходимость понятийного разведения уровней употребления термина «магическое мышление» и предложить более точную атрибуцию соответствующих феноменов.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации по клинической психологии, психотерапии, антропологии медицины, когнитивной психологии развития и этнопсихологии, посвящённые проблеме магического мышления, символической эффективности ритуала и плацебо-реакций [1–18]. Методологическую основу работы составили теоретический анализ и систематизация научной литературы, сравнительно-понятийный анализ клинического, психотехнического и культурно-антропологического употребления термина «магическое мышление», а также элементы междисциплинарного (кросс-контекстного) синтеза, позволяющего сопоставить данные разных исследовательских традиций в рамках единой концептуальной рамки. Отбор источников производился по критерию прямого отношения к трём тематическим узлам: (1) клинико-психологические исследования магического мышления и его связи с тревожными и обсессивно-компульсивными феноменами; (2) исследования символической и ритуальной составляющей психотерапевтических методов; (3) антропологические и этнопсихологические работы об эффективности ритуального врачевания и плацебо-реакции. Дополнительным источником иллюстративного материала послужили рефлексивные наблюдения автора, полученные в рамках клинической и междисциплинарной супервизионной практики; данные наблюдения носят иллюстративный, а не самостоятельно-эмпирический характер и приводятся для демонстрации прикладной значимости предложенной четырёхуровневой модели.

1. Клиническое значение термина

В клинической традиции магическое мышление обычно определяется как убеждение в том, что мысли, слова, жесты или ритуальные действия способны прямо и без промежуточных причинных звеньев влиять на внешнюю реальность [6]. Классические примеры такого мышления — иллюзорная связь между мыслью о несчастье и его наступлении, вера в необходимость повторения действия определённое число раз для предотвращения беды, убеждённость в решающей силе произнесённой формулы. В психопатологии подобные феномены традиционно связывают с тревожными, обсессивно-компульсивными и шизотипическими проявлениями [8; 8].

Так, исследования показывают, что уровень магического мышления и связанного с ним феномена «слияния мысли и действия» (thought-action fusion) статистически связан с выраженностью отдельных симптоматических измерений обсессивно-компульсивного расстройства и отдельными чертами шизотипии [8], а когнитивные модели ОКР рассматривают дисфункциональные убеждения об «особой» причинной силе мысли как один из центральных механизмов поддержания симптоматики, в том числе в детском и подростковом возрасте [8]. Отечественные клинические исследования также фиксируют

выраженное магическое мышление как один из механизмов психологической защиты и совладания у лиц с эндогенными психическими расстройствами и невротическими проявлениями, показывая его связь с тревогой, ощущением утраты контроля и потребностью в предсказуемости [1; 2].

Вместе с тем сама клиническая дефиниция не является ценностно нейтральной: она заранее фиксирует норму, согласно которой реальность мыслится исключительно как сфера каузальностей, признанных научной рациональностью, а всё, что выходит за эти пределы, автоматически маркируется как иррациональное или патологическое. Показательно, что современные исследования магического мышления у клинически здоровых взрослых свидетельствуют: магическое мышление не исчезает с возрастом, а трансформируется, сохраняясь в латентной форме и активизируясь в ситуациях высокой неопределённости, угрозы или личной значимости события [4; 17]. Это ставит под сомнение представление о магическом мышлении как об исключительно детской или патологической форме познания и требует более дифференцированного взгляда на феномен.

2. Символическая логика психотерапии

Парадокс современной психотерапии состоит в том, что она нередко критически оценивает магическое мышление клиента, хотя сама систематически опирается на сходные по структуре механизмы символического воздействия [7; 9]. Символ в психотерапии выполняет ряд устойчивых функций: он способствует осознанию смысла симптома, организует «настройку» клиента на процесс терапии через символические роли, ритуалы и специально организованное пространство взаимодействия, а также порождает значимый, событийный опыт, приводящий к переосмыслению проблемной ситуации [7].

Юнгианский анализ, кататимно-имагинативная психотерапия (символдрама), психодрама, телесно-ориентированные и системные подходы используют не только вербальное объяснение, но и образ, сцену, ритуализированное действие как средство психологической трансформации [7; 9; 10]. Э. Гудвин (E. Goodwyn) описывает психотерапию как одну из немногих сохранившихся в развитых обществах «ритуальных технологий», отмечая, что современная западная культура во многом утратила регулярное использование ритуала как психофизиологического инструмента, тогда как юнгианская традиция благодаря опоре на символ создаёт условия для его естественного возвращения в терапевтический процесс [9]. В другой работе показано, что спонтанная символическая продукция клиента в терапии имеет универсальные, телесно обусловленные основания, что позволяет описывать символическую работу не как иррациональный довесок к «настоящей» терапии, а как закономерный и объяснимый компонент психотехнического процесса [10].

Данное наблюдение согласуется с более широким тезисом о том, что психотерапия по своей природе является «миром смыслов»: её эффективность в значительной степени опосредована трансформацией значения, которое клиент придаёт своему состоянию, себе и своим отношениям, а не только специфическими техническими интервенциями [16]. Из этого следует важный методологический вывод: когда терапевт называет магическим мышлением веру клиента в действенность символического акта, он часто не замечает, что

сам пользуется структурно родственным механизмом — с той разницей, что этот механизм институционально легитимирован, теоретически отрефлексирован и включён в профессиональную рамку.

3. Ритуальная эффективность и данные медицинской антропологии

Дополнительным аргументом в пользу пересмотра клинично-центричного понимания магического мышления служат данные медицинской антропологии и исследований эффекта плацебо. Т. Кэптчук (Т. Kapтчuk), сопоставляя ритуалы навахо, акупунктуру и биомедицинское лечение, показывает, что ритуал врачевания создаёт восприимчивого к культурно санкционированным «силам» субъекта: целитель предоставляет пациенту воображаемый, эмоциональный, сенсорный и эстетический материал, воплощённый в осязаемых символах и процедурах, тем самым связывая индивидуальный нарратив болезни с более широким культурным мифом [12]. В более раннем клиническом обзоре тот же автор приходит к выводу, что плацебо-эффект правомерно рассматривать не как «неспецифический» побочный продукт лечения, а как специфический эффект символически насыщенного ритуала врачевания [13].

Л. Кирмайер (L. Kirmayer), опираясь на классическую модель Дж. Франка (J. Frank), отмечает, что все системы врачевания — от традиционного шаманизма до биомедицины — включают теорию недуга, определённые роли пациента и целителя, отграниченное время и место процедуры, а также специфические символические действия, которым приписывается целительная эффективность [14; 15]. С этой точки зрения эффективность конкретной практики врачевания невозможно свести исключительно к фармакологическому или биомеханическому компоненту: значительная часть терапевтического результата обеспечивается социальными и символическими процессами, сопровождающими лечение [14; 15].

Важно, что данная закономерность не ограничивается традиционными или альтернативными практиками. Систематические обзоры показывают, что вовлечение в структурированные символические действия — включая обучение фокусам как форме контролируемой, безопасной «магии» — способно оказывать измеримое положительное влияние на субъективное благополучие, самоэффективность и когнитивные функции [18]. Иными словами, символически организованное действие обладает собственной психологической эффективностью независимо от того, называется ли оно «ритуалом», «техникой» или «магией» — граница между этими обозначениями чаще определяется институциональным и культурным статусом практики, а не структурой самого механизма воздействия.

4. Этнопсихологический взгляд

Для этнопсихологии и антропологии магическое мышление представляет интерес не как когнитивная ошибка, а как способ культурной сборки мира. Обзор антропологической традиции — от Б. Малиновского и Дж. Фрэзера до С. Тамбиа и К. Леви-Стросса — показывает устойчивую линию исследований, в которых символическая, перформативная причинность рассматривается как закономерная и функциональная форма организации

социального и психического опыта, а не как её дефект [11]. В традиционных обществах связь между словом, знаком, действием и событием редко осмысливается по модели механической причинности: человек включён в сеть символических отношений, где образ, жест, имя и вещь связаны не метафорически, а действительно.

С этой позиции современная академическая психология нередко демонстрирует культурную асимметрию: она склонна маркировать как «магическое» всё, что выходит за пределы её собственной рациональной нормы, хотя сама опирается на символические схемы, которые в иной культурной среде были бы описаны как ритуальные [11]. Экспериментальные и обзорные работы Е.В. Субботского подтверждают, что магическое мышление не является исключительно архаичным или детским феноменом: оно сохраняется у образованных взрослых в латентной форме, выполняет функции реализации нереализованных желаний, регуляции тревоги и совладания с неопределённостью и активизируется именно в ситуациях высокой личной значимости происходящего [4; 17]. Показательны и данные о том, что склонность к магическому мышлению связана с определёнными личностными особенностями (в том числе ригидностью) у лиц, разделяющих эзотерические убеждения, что указывает на системный, а не случайный характер этой формы мышления в структуре личности [3].

Такой подход особенно продуктивен для междисциплинарного поля, где психология пересекается с антропологией, этнографией и исследованиями духовных традиций. В этих зонах неразличённое употребление термина «магическое мышление» рискует превратиться в инструмент дисквалификации иной культурной или мировоззренческой традиции вместо того, чтобы стать поводом для анализа её внутренней логики.

5. Необходимость понятийного разведения

Обобщение рассмотренных данных позволяет утверждать, что задача состоит не в отказе от термина «магическое мышление», а в прекращении его использования как унифицированного, недифференцированного ярлыка. На основе проведённого анализа целесообразно выделять четыре уровня рассмотрения феномена.

Во-первых, клинический уровень, на котором речь идёт о дезадаптивных, тревожно обусловленных формах магического мышления, связанных с искажённой оценкой причинности и наблюдаемых, в частности, при обсессивно-компульсивных, тревожных и некоторых иных расстройствах [1; 2; 8; 8].

Во-вторых, культурно-нормативный уровень, на котором символическая причинность выступает как разделяемая внутри группы, исторически устойчивая форма мировосприятия, не являющаяся признаком патологии [4; 11; 17].

В-третьих, психотехнический уровень, на котором символ, образ и ритуал сознательно и профессионально используются как средства психологической трансформации, обладающие собственной, эмпирически фиксируемой эффективностью [7; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 18].

В-четвёртых, эпистемологический уровень, на котором исследуется вопрос о том, почему одни формы символического действия получают институциональный статус науки или терапии, а другие — статус магии, притом что структурное сходство механизмов может быть весьма значительным [9; 11; 14].

Наблюдения автора в рамках клинических и междисциплинарных супервизионных групп показывают, что на уровне профессионального дискурса нередко происходит подмена понятий: клинический термин «магическое мышление» используется для обозначения любых форм символической каузальности, возникающих в работе с клиентом, включая культурно-нормативные и психотехнически организованные ритуальные действия. В супервизионных обсуждениях терапевтически продуктивные формы символической работы — от ритуализированных практик саморегуляции до опоры на культурно укоренённые образы — нередко получают стигматизирующую маркировку магического мышления, тогда как рефлексия их структурной и культурной специфики оказывается вытесненной. Переход от языка «магического мышления» к языку «символической каузальности» в этих контекстах позволяет специалистам точнее различать клинически дезорганизующие убеждения о всеисильности мысли, культурно-нормативные ритуальные практики и профессионально спроектированные психотехнические процедуры, снижая риск стигматизации и обеспечивая более нюансированный анализ феномена в рамках предложенной четырёхуровневой модели.

Именно четвёртый уровень представляется наиболее продуктивным для современной психологии, поскольку он смещает фокус с вопроса об «истинности» той или иной практики на вопрос об институциональном признании, языке описания и культурном статусе символического действия. Такое различие позволяет избежать как наивной апологии всякой ритуальности, так и редукционистского сведения любой символической работы к расстройству мышления.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что термин «магическое мышление» нуждается в понятийной ревизии. В современном психологическом и психотерапевтическом дискурсе он слишком часто используется как обобщающая оценочная категория, скрывающая существенные различия между клинической патологией, культурной нормой и профессионально организованной символической эффективностью. При этом психотерапия сама систематически опирается на механизмы, структурно родственные тем, что критикуются у клиента как проявления магического мышления: веру в преобразующую силу символического действия, ритуализированное изменение состояния, работу с образом и смысловой репрезентацией [7; 9; 10; 12; 13; 16].

Более продуктивной стратегией представляется не противопоставление «рациональной терапии» и «магического мышления», а последовательное разведение клинически дезорганизующих форм символической каузальности, культурно-нормативных форм и психотехнически используемых, терапевтически продуктивных форм. Предложенная четырёхуровневая модель (клинический, культурно-нормативный, психотехнический и эпистемологический уровни) может служить рабочим инструментом для дальнейших теоретических и эмпирических исследований на стыке клинической психологии, психотерапии, этнопсихологии и антропологии медицины, а также способствовать более точной и культурно чувствительной атрибуции феноменов, традиционно объединяемых понятием «магическое мышление».

Список литературы

1. Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Исследование магического мышления у лиц с эндогенными психическими заболеваниями [Электронный ресурс]. // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. URL: http://medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php (дата обращения: 25.07.2026).
2. Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 4. – DOI: 10.14529/jpps210401.
3. Лисецкая Н.В. Взаимосвязь личностных особенностей и ригидности с уровнем магического мышления у лиц, верящих в эзотерику // Научное мнение. – 2025. – № 6. – DOI: 10.25807/22224378_2025_6_160.
4. Субботский Е.В. Неизбежность магического: от теории Пиаже до рекламы // Национальный психологический журнал. – 2026. – Т. 21, № 3. – DOI: 10.11621/npj.2026.0302.
5. Суворова О.В., Кочеганова П.П. Магическое мышление как копинг-стратегия личности: социокультурный и онтогенетический аспекты [Электронный ресурс]. // Нижегородский психологический альманах. URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/24-r272> (дата обращения: 25.07.2026).
6. Фархутдинова Ю.Н. Психологический анализ проблемы магического мышления [Электронный ресурс]. // Нижегородский психологический альманах. URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/37-r379> (дата обращения: 25.07.2026).
7. Цыбуля В.И. Функции символа в психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. – 2024. – № 2. – DOI: 10.29399/npa.28635.
8. Cervin M. McNeel M.M., Wilhelm S., McGuire J.F., Murphy T.K., Small B.J., Geller D.A., Storch E.A. Cognitive Beliefs Across the Symptom Dimensions of Pediatric Obsessive-Compulsive Disorder: Type of Symptom Matters // Behavior Therapy. – 2022. – DOI: 10.1016/j.beth.2021.08.001.
9. Goodwyn E. Rediscovering the ritual technology of the placebo effect in analytical psychology // Journal of Analytical Psychology. – 2017. – № 3. – DOI: 10.1111/1468–5922.12315.
10. Goodwyn E. Understanding Spontaneous Symbolism in Psychotherapy Using Embodied Thought // Behavioral Sciences. – 2024. – Т. 319, № 4. – DOI: 10.3390/bs14040319.
11. Irimia A. Bureaucratic Sorceries in The Third Policeman: Anthropological Perspectives on Magic and Officialdom // The Parish Review. – 2022. – DOI: 10.16995/pr.7662.
12. Kaptchuk T.J. Placebo studies and ritual theory: a comparative analysis of Navajo, acupuncture and biomedical healing // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2011. – № 1572. – DOI: 10.1098/rstb.2010.0385.
13. Kaptchuk T.J. The Placebo Effect in Alternative Medicine: Can the Performance of a Healing Ritual Have Clinical Significance? // Annals of Internal Medicine. – 2002. – № 11. – DOI: 10.7326/0003-4819-136-11-200206040-00011.

14. Kirmayer L.J. The Cultural Diversity of Healing: Meaning, Metaphor, and Mechanism [Electronic resource]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621226/> (дата обращения: 25.07.2026).
15. Kirmayer L.J. Unpacking the Placebo Response: Insights from Ethnographic Studies of Healing [Electronic resource]. URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/mbr/article/download/15993/12649/52314> (дата обращения: 25.07.2026).
16. Locher C., Meier S., Gaab J. Psychotherapy: A World of Meanings // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Т. 460. – DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00460.
17. Subbotsky E. The Belief in Magic in the Age of Science // *SAGE Open*. – DOI: 10.1177/2158244014521433.
18. Wiseman R., Watt C. Achieving the impossible: a review of magic-based interventions and their effects on wellbeing // *PeerJ*. – 2018. – DOI: 10.7717/peerj.6081.

References

1. Bajramova E.E., Enikolopov S.N. [Investigation of Magical Thinking in Individuals with Endogenous Mental Disorders] // *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*. (data obrashcheniya: 25.07.2026). – 2026. – URL: http://medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php. (In Russ.)
2. Bajramova E.E., Enikolopov S.N. [Magical Thinking and Belief in Magic in the Structure of Psychological Defense Mechanisms and Coping Strategies] // *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*. – 2021. – Vol. 14, No. 4. – DOI: 10.14529/jpps210401. (In Russ.)
3. Lisetskaya N.V. [Interrelationship of Personality Traits and Rigidity with the Level of Magical Thinking in Individuals Believing in Esotericism] // *Nauchnoe mnenie*. – 2025. – No. 6. – DOI: 10.25807/22224378_2025_6_160. (In Russ.)
4. Subbotiskij E.V. [The Inevitability of the Magical: From Piaget's Theory to Advertising] // *Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal*. – 2026. – Vol. 21, No. 3. – DOI: 10.11621/npj.2026.0302. (In Russ.)
5. Suvorova O.V., Kocheganova P.P. [Magical Thinking as a Personal Coping Strategy: Sociocultural and Ontogenetic Aspects] // *Nizhegorodskij psikhologicheskij al'manakh*. (data obrashcheniya: 25.07.2026). – 2026. – URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/24-r272>. (In Russ.)
6. Farkhutdinova Yu.N. [Psychological Analysis of the Problem of Magical Thinking] // *Nizhegorodskij psikhologicheskij al'manakh*. (data obrashcheniya: 25.07.2026). – 2026. – URL: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/37-r379>. (In Russ.)
7. Tsybulya V.I. [Functions of Symbol in Psychotherapy] // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. – 2024. – No. 2. – DOI: 10.29399/npa.28635. (In Russ.)
8. Cervin M., McNeel M.M., Wilhelm S., McGuire J.F., Murphy T.K., Small B.J., Geller D.A., Storch E.A. Cognitive Beliefs Across the Symptom Dimensions of Pediatric Obsessive-Compulsive Disorder: Type of Symptom Matters // *Behavior Therapy*. – 2022. – DOI: 10.1016/j.beth.2021.08.001.

9. Goodwyn E. Rediscovering the ritual technology of the placebo effect in analytical psychology // *Journal of Analytical Psychology*. – 2017. – No. 3. – DOI: 10.1111/1468–5922.12315.
10. Goodwyn E. Understanding Spontaneous Symbolism in Psychotherapy Using Embodied Thought // *Behavioral Sciences*. – 2024. – Vol. 319, No. 4. – DOI: 10.3390/bs14040319.
11. Irimia A. Bureaucratic Sorceries in The Third Policeman: Anthropological Perspectives on Magic and Officialdom // *The Parish Review*. – 2022. – DOI: 10.16995/pr.7662.
12. Kaptchuk T.J. Placebo studies and ritual theory: a comparative analysis of Navajo, acupuncture and biomedical healing // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2011. – No. 1572. – DOI: 10.1098/rstb.2010.0385.
13. Kaptchuk T.J. The Placebo Effect in Alternative Medicine: Can the Performance of a Healing Ritual Have Clinical Significance? // *Annals of Internal Medicine*. – 2002. – No. 11. – DOI: 10.7326/0003-4819-136-11-200206040-00011.
14. Kirmayer L.J. The Cultural Diversity of Healing: Meaning, Metaphor, and Mechanism [Electronic resource]. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3621226/> (дата обращения: 25.07.2026).
15. Kirmayer L.J. Unpacking the Placebo Response: Insights from Ethnographic Studies of Healing [Electronic resource]. – URL: <https://journalhosting.ucalgary.ca/index.php/mbr/article/download/15993/12649/52314> (дата обращения: 25.07.2026).
16. Locher C., Meier S., Gaab J. Psychotherapy: A World of Meanings // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 460. – DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00460.
17. Subbotsky E. The Belief in Magic in the Age of Science // *SAGE Open*. – DOI: 10.1177/2158244014521433.
18. Wiseman R., Watt C. Achieving the impossible: a review of magic-based interventions and their effects on wellbeing // *PeerJ*. – 2018. – DOI: 10.7717/peerj.6081.

УДК 159.9+614.8

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23230

Формирование стрессоустойчивости медицинских работников путем внедрения тренинговой программы

Николаев Дмитрий Ильич*магистр психологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы**Российская Федерация, г. Москва**E-mail: dimanik30@yandex.ru*

Forming the stress resistance of medical workers through the implementation of a training program

Nikolaev Dmitrii*master of Psychology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia**Russia, Moscow*

Аннотация

Профессиональная деятельность медицинских работников сопровождается высоким уровнем психоэмоционального стресса, вызванного интенсивностью работы, высокой ответственностью и необходимостью принимать решения в условиях временных ограничений. Хроническое воздействие стрессовых факторов может снизить эффективность профессиональной деятельности, ухудшить психологическое благополучие специалистов и способствовать развитию эмоционального выгорания. Поэтому крайне важно найти эффективные методы повышения устойчивости к стрессу и конструктивные стратегии выживания. Это исследование направлено на изучение влияния образовательной программы психологического тренинга на устойчивость действующих медицинских работников к стрессу и их использование стратегий преодоления трудностей в своей профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется анализу изменений в проблемно-ориентированных и эмоционально-ориентированных стратегиях преодоления трудностей после завершения программы обучения. Практическая значимость этого исследования заключается в возможности внедрения разработанного формирующего тренинга в систему психологического сопровождения медицинских организаций. Использование таких программ позволит повысить эффективность профессиональной деятельности медицинских работников, укрепить их психологическое благополучие, снизить риск развития хронического стресса и эмоционального выгорания, а также выработать устойчивые навыки конструктивного преодоления стрессовых ситуаций в условиях высокой профессиональной загруженности.

Библиографическое описание: Николаев Д.И. Формирование стрессоустойчивости медицинских работников путем внедрения тренинговой программы // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23230>

Abstract

The professional activity of medical workers is accompanied by a high level of psycho-emotional stress caused by the intensity of work, high responsibility and the need to make decisions under time constraints. Chronic exposure to stressful factors can reduce the effectiveness of professional activities, worsen the psychological well-being of specialists and contribute to the development of emotional burnout. Therefore, it is extremely important to find effective methods to increase stress tolerance and constructive survival strategies. This study is aimed at studying the impact of the educational program of psychological training on the resilience of medical professionals to stress and their use of coping strategies in their professional activities. Special attention is paid to the analysis of changes in problem-oriented and emotion-oriented coping strategies after completing the training program. The practical significance of the research lies in the possibility of introducing the developed formative training into the system of psychological support for medical organizations. The use of such programs will improve the effectiveness of the professional activities of medical professionals, strengthen their psychological well-being, reduce the risk of developing chronic stress and emotional burnout, as well as develop stable skills for constructive coping with stressful situations under conditions of high professional workload.

Ключевые слова: Стрессоустойчивость, совладающее поведение, формирование стрессоустойчивости, стрессоустойчивость медицинских работников, профилактика стресса.

Keywords: Stress resistance, coping behavior, stress resistance development, stress resistance of medical professionals, and stress prevention.

Введение

Работа в сфере медицины и здравоохранения связана с повышенным уровнем ответственности, эмоциональным напряжением, высокой нагрузкой в эмоциональном и когнитивном спектре. Хронический стресс, состояние эмоционального и физического выгорания, профессиональная деформация и депрессивное состояние может оказывать влияние вследствие негативных эффектов профессиональной деятельности медицинских работников.

В данной статье изучаются особенности стрессоустойчивости и факторов влияющих на её формирование, что является как индивидуальной проблемой отдельных работников, так и сферой интереса всей системы здравоохранения в целом, для стабилизации и повышения эффективности систем здравоохранения.

Хотя в научном поле и признается необходимость изучения психологических факторов, влияющих на формирование стрессоустойчивости у медицинских работников, все ещё отсутствует научное обоснование для решения этой проблемы. Механизмам противостояния стрессовым факторам уделяется мало внимания, хотя тема повышенного стресса и выгорания у работников медицинской сферы поднимается в современных исследованиях.

Под стрессоустойчивостью в данной работе мы будем понимать способность субъекта сопротивляться стресс-факторам, справляться с напряжением, как эмоциональным, так и физическим, которое является прямым следствием влияния факторов стресса на деятельность медицинских работников. Стрессоустойчивость это комплексное

динамическое формирование, приобретается с опытом взаимодействия с факторами стресса, командообразования и переживания ситуаций готовности к различным вариациям ситуаций внутри деятельности медицинского учреждения.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе научно-исследовательского клинического института педиатрии и детской хирургии имени академика Ю.Е. Вельтищева. Была разработана программа тренинга, нацеленная на повышение стрессоустойчивости медицинских работников. Сама программа тренинга включает в себя несколько блоков.

Первый блок является «мотивационным» и включает в себя шесть упражнений, от знакомства и снятия напряжения между коллегами и психологом до фундаментального ощущения себя увереннее. Эта часть помогает раскрыть личность и придать ему уверенности в его действиях.

Во втором «эмоционально-волевом» блоке мы достигаем конкретной цели: знакомство с эмоциональной сферой своей личности, с чувствами и навыками контроля над своими чувствами. Развитие эмоционально-волевых процессов в саморегуляции состояния при совладании со стрессом. Сам блок состоит из двух занятий. Третий блок «рефлексивно-смысловой». Задача данного блока в осмыслении ценностей и собственного ощущения того, как я действую в своем совладающем поведении.

Проблема исследования, таким образом, заключается в поиске совершенно новых способов внедрения формирующих воздействий, которые могли бы повысить уровень стрессоустойчивости, так как все еще существует противоречие между необходимостью повышения стрессоустойчивости и недостатка данных относительно психологических условий для данного рода деятельности.

Целью являются психологические условия формирования стрессоустойчивости у медицинских работников.

Ссылаясь на последние исследования можно сказать, что О.В. Кирута отмечал выраженную связь стратегий управления стрессом у работников медицинских учреждений разного пола и их стрессоустойчивостью. Отмечается что для женщин наиболее частой копинг-стратегией является принятие ответственности, в то время как у мужчин основными столпами копинг-стратегий выступают конфронтация и самоконтроль [Кирута, 2023].

Также на эффективное управление стрессом могут влиять и другие факторы, такие как недостаток жизненного опыта, профессионализма и нестабильной саморегуляцией. Все это в основе своей свойственно молодым, начинающим специалистом медицинского профиля. Это свидетельствует о том, что крайне важно организовывать обучения для того, чтобы снизить или полностью исключить влияние этих негативных эффектов стресса. Также это должно повысить жизнестойкость на самых начальных этапах карьеры медицинского работника. Исследование только поддерживает эту сторону вопроса [Погодаева, 2019].

Результаты и обсуждение

Выборка испытуемых для исследования составила 40 человек. Участники являются действующими медицинскими работниками. В экспериментальной группе 15 человек, а в контрольной 25 человек.

Ниже будут представлены результаты до и после проведения тренинга по опроснику определяющий склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору).

В таблице 1 представлены результаты диагностики склонности к развитию стресса.

Таблица 1.

Результаты диагностики с применением опросника, определяющего склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору) на констатирующем этапе исследования (n=40)

	Среднее	Ст. отклон.
Склонность к развитию стресса	19,30	7,39

Данное исследование может дать нам возможность говорить о том, что в большинстве своем участники имеют высокую и среднюю стрессоустойчивость. Также средние значения присущи 37,5 % медицинским работникам, а в свою очередь высокие значения замечены у 32,5 % медицинских работников.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство из тех, кто принял участие в исследовании могут быть способны работать и противостоять умеренным стрессовым ситуациям. И из общего числа участников более трети могут противостоять стрессу высокого уровня. Оставшаяся треть участников исследования показала низкие результаты и соответственно имеют высокую приверженность возникающим стрессовым ситуациям. (рисунок 1).

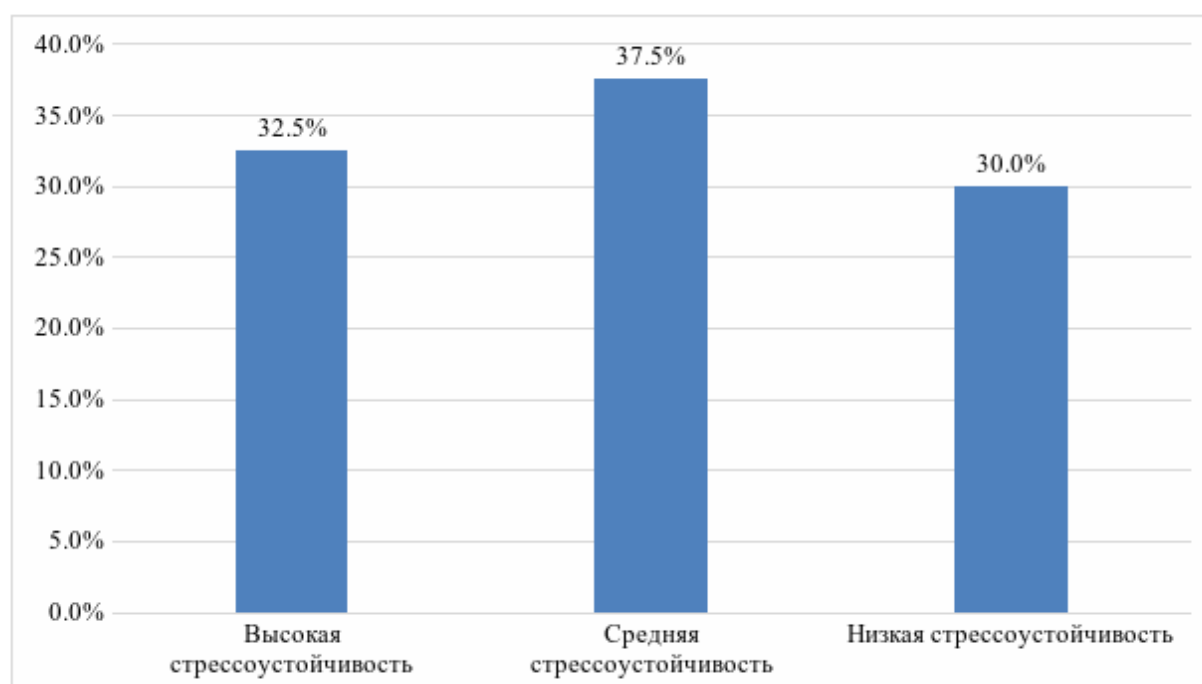

Рисунок 1. Распределение числа участников исследования с разными уровнями склонности к развитию стресса

В таблице 2 представлены результаты диагностики склонности к развитию стресса.

Таблица 2.

Результаты диагностики с применением опросника, определяющего склонность к развитию стресса (по Т.А. Немчину и Тейлору) на контрольном этапе исследования (n=40)

	Экспериментальная (n=15)		Контрольная (n=25)	
	Среднее	Ст. отклон.	Среднее	Ст.отклон.
Склонность к развитию стресса	14,00	5,69	18,24	7,34

По показателям методики Т.А. Немчина также диагностируются более высокие значения склонности к развитию стресса у участников контрольной группы, а также более высокие значения стрессоустойчивости у участников экспериментальной группы.

Средние ранги показателя состояния стресса представлены на рисунке 2.

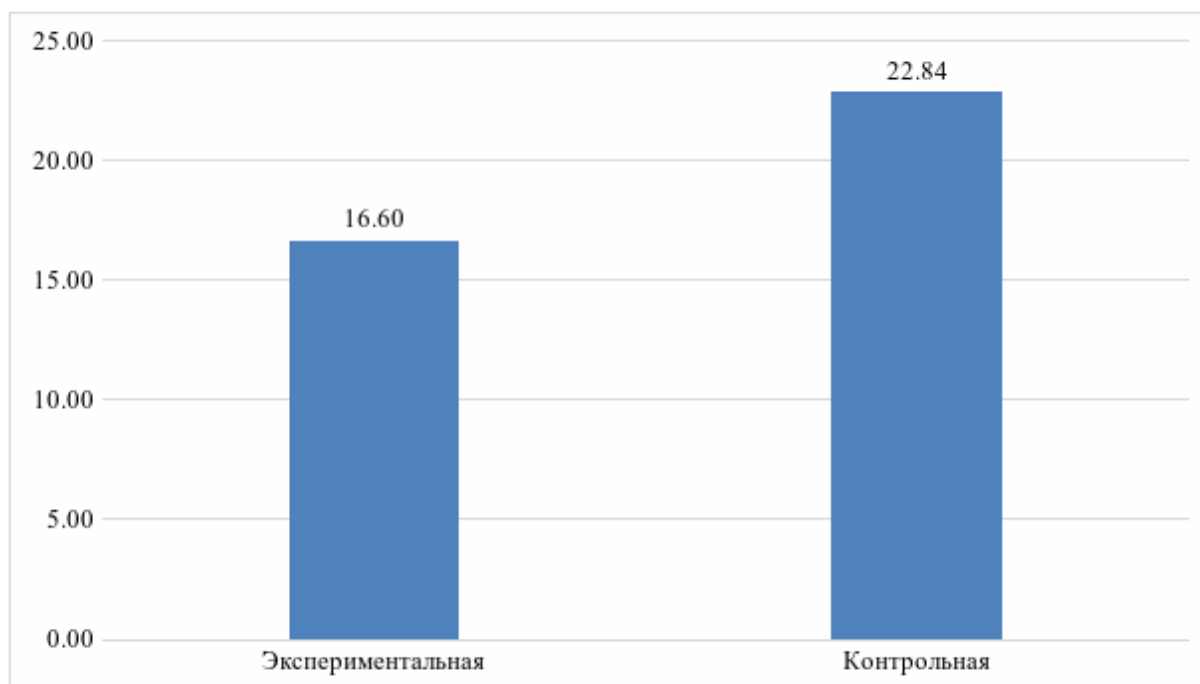

Рисунок 2. Средние ранги показателя состояния стресса

Можно наблюдать, что после проведения тренинговой работы мы сталкиваемся понижением стресса экспериментальной группы, которая принимала участие в замерах как до, так и после проведения тренинговых занятий.

Заключение

Подводя итоги всех полученных в результате психологического исследования данных можно констатировать, что стрессоустойчивость – это изменяемый комплексный феномен в психике человека. Стрессоустойчивость формируется посредством взаимодействия членами коллектива конкретного медицинского учреждения, личными особенностями каждого индивида и посредством последовательного решения совместных профессиональных задач. Стрессоустойчивость несет позитивный эффект противостояния стрессовым ситуациям и неактивным последствиям трудовой деятельности. Её формирование – комплексная коллективная задача, в основе которой должны лежать принципы комплексности, развитие конкретных навыков отдельных личностей, а также расширение спектра личностных ресурсов, необходимых для полноценного функционирования в команде.

Мы можем утверждать, что значительное снижение стресса стало следствием понимания собственных возможностей и применения новых копинг-стратегий.

Ссылаясь на результаты можно утверждать, что краткосрочные тренинговые программы абсолютно целесообразны и могут быть использованы в медицинских учреждениях для повышения навыков совладания со стрессом у медицинских работников, а также повышения их уровня стрессоустойчивости.

Список литературы

1. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. -М. – 2024. – 528 с.
2. Каменева, З.В. Понятие и признаки медицинской деятельности / З.В. Каменева // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 12.
3. Кирута, О.В. Стрессоустойчивость и копинг-стратегии: базовые понятия и результаты пилотажного исследования медицинских работников в период пандемии COVID-19 / О.В. Кирута, Ю.С. Шабалина, О.А. Решетняк // Лечебное дело: научно-практический терапевтический журнал. – 2023. – № 4.
4. Климов, Е.А. Психология профессионала/ Е.А. Климов. -М., 2016. -211 с.
5. Погодаева, М.В. Факторы профессионального стресса врачей и возможности повышения адаптивности к ним на этапе обучения в вузе / М.В. Погодаева, Ю.В. Чепурко, О.А. Молокова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21, № 4. – DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1005-1013.
6. Попов, А.С. Очерки методологии клинического мышления [Электронный ресурс] / А.С. Попов, В.Г. Кондратьев. – 1972. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_6b961fa98bdebd225eda9e539efd757d/ (дата обращения: 18.07.2026).
7. Рагулина, М.В. Стрессоустойчивость как субъектный ресурс совладающего поведения личности / М.В. Рагулина, В.А. Сивенков // Ученые заметки ТОГУ. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 157–166.
8. Савушкина, А.И. Понятие стресса и стрессоустойчивости в психологии / А.И. Савушкина // Личность в природе и обществе: научные труды молодых ученых (материалы межвузовских психолого-педагогических чтений), Москва, 21 апреля. – 2016. – С. 56–58.
9. Савченко, С.С. Понятие стрессоустойчивости как проблематика настоящего времени / С.С. Савченко // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер. – 2023. – С. 224–227.
10. Садон, Е.В. Стратегии преодоления стресса медицинских работников с разным уровнем стрессоустойчивости / Е.В. Садон, А.А. Ярмахова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2022. – № 1. – С. 102–106.
11. Салехов, С.А. Психологический стресс как фактор развития психосоматических заболеваний / С.А. Салехов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 94–98.

References

1. Bodrov V.A. [Psychological Stress: Development and Overcoming] / V.A. Bodrov. -M., 2024. – 528 s (In Russ.)
2. Kameneva Z.V. [Concept and Signs of Medical Activity] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – No. 12. (In Russ.)

3. Kiruta O.V., Shabalina Yu.S., Reshetnyak O.A. [Stress Resistance and Coping Strategies: Basic Concepts and Results of a Pilot Study of Medical Workers During the COVID-19 Pandemic] // Lechebnoe delo: nauchno-prakticheskij terapevticheskij zhurnal. – 2023. – No. 4. (In Russ.)
4. Klimov E.A. [Psychology of a Professional] // E.A. Klimov. – Moscow, 2016. – 211 P. (In Russ.)
5. Pogodaeva M.V., Chepurko Yu.V., Molokova O.A. [Factors of Professional Stress in Physicians and Possibilities for Increasing Adaptability to Them at the Stage of University Education] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – Vol. 21, No. 4. – DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1005-1013. (In Russ.)
6. Popov A.S. [Essays on the Methodology of Clinical Thinking] / A.S. Popov, V.G. Kondrat'ev. – 1972. – URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_6b961fa98bdebd225eda9e539efd757d/. (accessed 14.09.2026). (In Russ.)
7. Ragulina M.V. Stress tolerance as a subjective resource of coping behavior of a personality / M.V. Ragulina, V.A. Sivenkov // Scientific notes of TOGU. – 2021. – Vol. 12, No. 1. – P. 157–166.
8. Savushkina A.I. The concept of stress and stress tolerance in psychology // Personality in nature and society: scientific works of young scientists (materials of interuniversity psychological and pedagogical readings), Moscow, April 21. – 2016. – No. 19. – P. 56–58.
9. Savchenko S.S. The concept of stress tolerance as a problem of the present // Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization (Social Engineer. – 2023. – P. 224–227.
10. Sadon E.V. Strategies for overcoming stress of medical workers with different levels of stress tolerance / E.V. Sadon, A.A. Yarmakhova // Current scientific research in the modern world. – 2022. – No. 1. – P. 102–106.
11. Salekhov S.A. Psychological stress as a factor in the development of psychosomatic diseases // Bulletin of the Novgorod State University. – 2016. – No. 1. – P. 94–98.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Статья поступила в редакцию: 06.07.2026

Статья принята к публикации: 10.07.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 316.6

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23164

Производство сомнений: кто и как манипулирует общественным мнением

Богданов Руслан Ришатович

бакалавр

Башкирский государственный университет

Российская Федерация, г. Уфа

E-mail: mindbender94@mail.ru

Manufacturing doubt: the who and how of public opinion manipulation

Bogdanov Ruslan Rishatovich

bachelor's degree, Bashkir State University

Russia, Ufa

Аннотация

Современные общества существуют в состоянии постоянного напряжения между необходимостью обеспечения свободы и поддержанием социальной стабильности. В этих условиях процессы формирования общественного мнения всё чаще определяются не только содержанием распространяемой информации, но и институциональными, психологическими и технологическими факторами, влияющими на её производство, интерпретацию и распространение.

Цель исследования заключается в анализе механизмов формирования устойчивых информационных искажений через взаимодействие институциональных стимулов, когнитивных механизмов и алгоритмической инфраструктуры цифровых платформ.

Методологическую основу работы составляют междисциплинарный анализ научной литературы, сравнительный анализ исторических кейсов, а также элементы институционального и социально-психологического подходов. Рассмотрены примеры влияния экономических и политических стимулов на производство знаний, психологические механизмы поддержания ошибочных убеждений и роль алгоритмов цифровых платформ в усилении информационных искажений.

Библиографическое описание: Богданов Р.Р. Производство сомнений: кто и как манипулирует общественным мнением // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23164>

В результате исследования показано, что производство сомнения представляет собой не следствие отдельных ошибок или целенаправленных заговоров, а системное свойство современной информационной среды, возникающее вследствие взаимодействия институтов, человеческой психологии и цифровых технологий. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения механизмов информационного воздействия и разработки подходов к повышению устойчивости общества к дезинформации.

Abstract

Modern societies exist in a state of constant tension between the need to preserve individual freedom and the maintenance of social stability. Under these conditions, the formation of public opinion is increasingly shaped not only by the content of disseminated information but also by institutional, psychological, and technological factors that influence its production, interpretation, and dissemination.

The aim of this study is to analyze the mechanisms underlying persistent informational distortions through the interaction of institutional incentives, cognitive mechanisms, and the algorithmic infrastructure of digital platforms.

The methodological framework combines an interdisciplinary review of the scientific literature, comparative analysis of historical case studies, and elements of institutional and socio-psychological approaches. The study examines examples of how economic and political incentives influence knowledge production, explores the psychological mechanisms that sustain erroneous beliefs, and analyzes the role of digital platform algorithms in amplifying informational distortions.

The findings demonstrate that the manufacturing of doubt should be understood not as the result of isolated errors or deliberate conspiracies but as a systemic property of the contemporary information environment emerging from the interaction of institutions, human psychology, and digital technologies. The findings may contribute to further research on information influence mechanisms and support the development of approaches aimed at increasing societal resilience to misinformation.

Ключевые слова: Институциональные искажения, производство сомнения, когнитивный диссонанс, структура стимулов, социальный порядок, диффузия ответственности.

Keywords: Institutional bias, production of doubt, cognitive dissonance, incentive structures, social order, diffusion of responsibility.

Введение

Распространение дезинформации и снижение доверия к общественным институтам являются одной из ключевых проблем современной информационной среды. Несмотря на большое количество исследований, механизмы формирования устойчивых информационных искажений требуют комплексного анализа.

Цель исследования – проанализировать механизмы формирования информационных искажений как результата взаимодействия институциональных стимулов, когнитивных механизмов и алгоритмической инфраструктуры цифровых платформ.

Задача исследования – определить роль институциональных, психологических и технологических факторов в возникновении и поддержании феномена «производства сомнения».

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе междисциплинарного подхода, объединяющего методы институционального анализа, социальной психологии и исследований цифровых коммуникаций. Материалами исследования послужили научные публикации, посвящённые институциональным искажениям информации, когнитивным механизмам принятия решений, а также исторические кейсы и современные исследования алгоритмических систем. Основными методами исследования являются анализ научной литературы, сравнительно-исторический анализ и кейс-анализ.

Результаты и обсуждения

1.1 Институциональные стимулы производства сомнений

Политическая философия давно обсуждает проблему хрупкости социального порядка. Томас Гоббс описывал «естественное состояние» как ситуацию «войны всех против всех», где жизнь становится «одинокой, бедной, отвратительной, жестокой и короткой». Его аргумент в пользу сильной власти строился не на восхищении авторитаризмом, а на страхе анархии [6].

Этот страх сохраняется и в современных институтах. Управление информацией и нарративами часто оправдывается необходимостью предотвращения распада. Но возникает структурный парадокс:

- слабый контроль ведёт к фрагментации;
- чрезмерный контроль подавляет критику и усиливает накопление ошибок.

Свобода и стабильность находятся в состоянии постоянного напряжения.

Картина «злых элит» упрощает реальность, но столь же наивна и вера в абсолютную объективность институтов.

Институты встроены в систему стимулов:

- финансирование,
- карьерная устойчивость,
- репутация,
- власть,
- прибыль,
- политическое влияние.

Механизм диффузии ответственности делает ложь не результатом тайного центра управления, а побочным эффектом ролей. То, что Ханна Арендт называла «банальностью зла», проявляется институционально: юрист защищает компанию, менеджер выполняет KPI, учёный стремится к публикации, чиновник минимизирует скандал. Искажение становится не актом злобы, а логикой самосохранения системы [1].

В классических экспериментах Stanley Milgram около 65 % участников продолжали выполнять инструкции авторитетной фигуры, даже когда полагали, что причиняют серьёзный вред другому человеку [13].

Дополнительным элементом институциональной динамики является феномен «revolving door» — переход специалистов между регулируемыми органами и индустрией. Исследования карьерных траекторий показывают, что сотрудники регуляторных агентств нередко после завершения государственной службы переходят в компании или консалтинговые структуры, работающие в регулируемой отрасли. Подобные переходы могут способствовать передаче экспертизы между государством и рынком, однако одновременно создают риск конфликта интересов и смягчения регуляторной политики [3].

Кейс банка Bank of Credit and Commerce International (1972–1991) иллюстрирует, как институциональные стимулы и фрагментация контроля могут поддерживать искажения без единого центра управления. Благодаря сети из сотен офшорных структур в десятках юрисдикций банк фактически эксплуатировал разделённость финансового надзора: каждый регулятор контролировал лишь ограниченную часть операций, что делало целостную картину трудно наблюдаемой.

Последующие парламентские и журналистские расследования показали, что через инфраструктуру ВССИ проходили операции, связанные с отмыванием средств, коррупционными платежами и обходом финансовых ограничений. В такой конфигурации институциональная реакция часто запаздывала. Закрытие банка означало бы масштабные финансовые последствия, затрагивавшие международные рынки, политические интересы и сети капитала [15].

1.2 Научные институты и влияние экономических интересов

Наука как метод остаётся мощнейшим инструментом поиска истины. Но научные институты не изолированы от экономических стимулов.

Табачная индустрия

В судебных процессах против Philip Morris International были раскрыты документы, демонстрирующие стратегию «создания сомнения». Часть учёных, получавших финансирование от индустрии, публично подчёркивали неопределённость данных о вреде курения.

Аргументация строилась вокруг следующих тезисов:

- «Корреляция не равна причинности»;
- «Необходимы дополнительные исследования»;
- «Данные противоречивы».

Формально это были корректные научные оговорки. Но в контексте стратегии они использовались как инструмент отсрочки регулирования [14].

Свинец в бензине

General Motors совместно с химическими компаниями продвигала тетраэтилсвинец как технологический прорыв. Некоторые специалисты, работавшие в корпоративных лабораториях, публиковали материалы, минимизирующие риски токсичности.

Ранние сигналы об отравлениях трактовались как «промышленные исключения», а не системная проблема. Экономическая выгода от антидетонационной добавки перевешивала осторожность [12].

Сахарная индустрия

Показательным примером является влияние сахарной индустрии на научную повестку в середине XX века. В 1960-х годах отраслевые структуры финансировали исследования, смещавшие акцент в объяснении сердечно-сосудистых заболеваний с потребления сахара на насыщенные жиры.

Исторический анализ архивных документов, опубликованный в JAMA Internal Medicine, показал, что представители сахарной индустрии участвовали в формировании исследовательских тем и обсуждении интерпретаций. Среди авторов обзорных работ были исследователи из Harvard University [7].

Опиоидный кризис

Purdue Pharma продвигала OxyContin как препарат с низким риском зависимости. В научных публикациях, финансируемых компанией, подчёркивался «контролируемый характер» высвобождения вещества. Зависимость врачебного сообщества от образовательных грантов и спонсируемых конференций создавала среду, где критика ослабевала [16].

Грантовая зависимость сегодня

Современная академическая среда функционирует по модели грантового финансирования.

Исследователь зависит от:

- государственных фондов;
- корпоративных контрактов;
- частных доноров.

Формально гранты не диктуют выводы. Но они формируют рамку вопросов, которые «интересно» изучать. Кроме того, принцип «publish or perish» создаёт давление. Это не означает тотальную коррупцию науки. Но создаёт системный перекос, где научное сообщество структурно зависит от источников ресурсов. Мета-анализ, проведённый Lisa Vero и коллегами, показал, что исследования, финансируемые индустрией, на 27 % чаще сообщают положительные результаты и на 34 % чаще формулируют благоприятные выводы по сравнению с независимыми исследованиями [11].

1.3 Психологические механизмы соучастия

Когнитивный диссонанс

Теория когнитивного диссонанса, предложенная Леон Фестингер, утверждает: когда человек сталкивается с информацией, противоречащей его убеждениям или действиям, возникает внутреннее напряжение [4].

Чтобы снизить его, человек чаще:

- рационализирует поведение («всё не так однозначно»);
- обесценивает источник информации;
- выбирает подтверждающие данные;
- меняет интерпретацию фактов, но не убеждение.

Пример: если человек поддерживал определённую политику, признание её вреда требует признать собственную ошибку. Психологически проще минимизировать проблему.

Исследования Stephan Lewandowsky показывают, что даже после корректировки ложной информации её влияние на рассуждения часто сохраняется — феномен, известный как *continued influence effect* [9].

Конформизм

Эксперименты Соломон Аш показали, что люди готовы соглашаться с очевидно неверным мнением группы, чтобы избежать социального давления [2].

Механизмы конформизма

- страх социальной изоляции;
- желание принадлежности;
- доверие к «коллективной норме»;
- избегание конфликта.

В институциональной среде это проявляется как молчаливое согласие. Даже сомневающийся сотрудник может не высказываться, если большинство транслирует иную позицию.

Массовая психология

Ещё Гюстав Лебон писал о снижении индивидуальной критичности в толпе. Эмоции усиливаются, сложность редуцируется, нюансы исчезают. Коллективная уверенность начинает подменять эмпирическую проверку. Таким образом, устойчивость системных иллюзий объясняется не только действиями институтов, но и глубинной психологической динамикой групп [8].

Системы способны исправляться при наличии конкуренции институтов, независимых судов и свободы критики. Способность системы к самокоррекции через конкуренцию институтов (независимую журналистику, суды и научную рецензию) является предохранителем, но не гарантией мгновенной безопасности.

Парадокс заключается в институциональном лаге: между выявлением искажения и его исправлением существует временной интервал, в течение которого миллионы людей продолжают подвергаться рискам. Таким образом, наличие механизмов коррекции в долгосрочной перспективе не отменяет высокой «человеческой цены» системных ошибок в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Также существует противоположная опасность — тотальный цинизм. Если «все лгут одинаково», исчезают критерии различения. Радикальный скепсис делает человека уязвимым к любой новой манипуляции. Критическое мышление — это не отрицание всего, а калибровка доверия. Эксперименты Thomas Wood и Ethan Porter с участием более 10 000 респондентов показали, что корректировка ложной информации в большинстве случаев снижает уровень заблуждений, а эффект «обратного действия» практически не наблюдается [17].

1.4 Алгоритмическое усиление информационных искажений

Развитие алгоритмических систем рекомендаций и появление генеративных моделей искусственного интеллекта (large language models, LLM) существенно изменили динамику распространения и производства информационных искажений. Традиционные платформы уже давно используют алгоритмы для приоритизации контента, что может усиливать поляризацию и селективное восприятие информации за счёт персонализированной фильтрации. Генеративные системы позволяют одному субъекту поддерживать сотни или тысячи синтетических аккаунтов, нарративов и точек зрения, создавая иллюзию широкого общественного консенсуса там, где его может не существовать. Кроме того, манипуляция мнением через ИИ опаснее традиционной пропаганды, потому что она выглядит не как крикливый лозунг, а как «логичный, взвешенный и усредненный» ответ на ваш вопрос [10].

Дальнейшее изучение роли генеративных моделей в формировании и усилении информационных искажений представляется одним из приоритетных направлений междисциплинарных исследований [5].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что искажение информации в современных обществах нередко возникает не только как результат целенаправленных манипуляций, но и как следствие взаимодействия институциональных стимулов, когнитивных механизмов и технологической инфраструктуры. Институциональные структуры формируют стимулы, которые могут поощрять сохранение доминирующих нарративов и снижать вероятность их критического пересмотра. На уровне индивидуального восприятия устойчивость подобных искажений поддерживается когнитивными процессами, включая когнитивный диссонанс и конформизм. В цифровой среде данные процессы дополнительно усиливаются алгоритмической селекцией контента и возможностями масштабного производства информации.

Таким образом, «производство сомнения» можно рассматривать как системное свойство современной информационной экосистемы. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическое изучение предложенной модели и анализ роли алгоритмических систем в формировании информационных искажений.

Список литературы

1. Arendt, H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Penguin Classics. – 1963.
2. Asch, S.E. Opinions and Social Pressure. Scientific American. – 1955.
3. Dalton, D.R., & Daily, C.M. (2001). The Revolving Door: Fact or Fiction? Business Ethics Quarterly.
4. Festinger, L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford University Press. – 1957.
5. Floridi, L. AI as Agency without Intelligence: On the Socio-Technical Nature of Large Language Models. – 2023.
6. Hobbes, T. (1651). Leviathan. Penguin Classics edition (2017).

7. Kearns, C.E., Schmidt, L.A. & Glantz, S.A. Sugar Industry and Coronary Heart Disease Research: A Historical Analysis of Internal Industry Documents. *JAMA Internal Medicine*. – 2016.
8. Le Bon, G. (1895). *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. Dover Publications (2002).
9. Lewandowsky, S. et al. Misinformation and Its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing. *Psychological Science in the Public Interest*. – 2012.
10. Loth, A., Kappes, M. et al. Industrialized Deception: The Collateral Effects of LLM-Generated Misinformation on Digital Ecosystems. *arXiv:2601.21963*. – 2026.
11. Lundh, A. et al. Industry sponsorship and research outcome. *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2017.
12. Mielke, H.W. Dynamic Geochemistry of Tetraethyl Lead Dust during the 20th Century: Getting the Lead In, Out, and Translational Beyond. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(5), 860. – 2018.
13. Milgram, S. Behavioral Study of Obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1963.
14. Oreskes, N. & Conway, E.M. *Merchants of Doubt*. – 2010.
15. Passas, N. The Genesis of the BCCI Scandal // *Journal of Law and Society*. – 1995.
16. Van Zee, A. The promotion and Marketing of OxyContin: Commercial Triumph, Public Health Tragedy. *American Journal of Public Health*. – 2009.
17. Wood, T. & Porter, E. The Elusive Backfire Effect: Mass Attitudes' Resilience to Facts. *Political Psychology*. – 2019.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Статья поступила в редакцию: 23.07.2026

Статья принята к публикации: 27.07.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 159.9+618.1

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23232

Особенности совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы

Закирова Лейсан Мударисовна

канд. психол. наук, доц., доц.

кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинский институт Казанский

Приволжский федеральный университет

Российская Федерация, г. Набережные Челны

E-mail: drzak@mail.ru

Сафиуллина Зульфия Нагимовна

магистрант

Набережночелнинский институт Казанский Приволжский федеральный университет

Российская Федерация, г. Набережные Челны

Features of coping behavior in women with various reproductive system pathologies

Zakirova Leysan Mudarisovna

PhD in Psychology

Assoc. Professor, Assoc. Professor Department of Social Sciences and Humanities

Naberezhnye Chelny Institute

Kazan Volga Region Federal University

Russia, Naberezhnye Chelny

Safiullina Zulfia Nagimovna

master's Student

Naberezhnye Chelny Institute, Kazan Volga Region Federal University

Russia, Naberezhnye Chelny

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы. Актуальность исследования обусловлена высокой распространенностью гинекологических заболеваний и их влиянием на психологическое благополучие женщин. Цель исследования-выявить особенности

Библиографическое описание: Закирова Л.М., Сафиуллина З.Н. Особенности совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23232>

совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы. В исследовании приняли участие 60 женщин с миомой матки, эндометриозом, синдромом поликистозных яичников и хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза. Для диагностики использовались шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера-Ю.Л. Ханина и опросник способов совладания со стрессом Р. Лазаруса и С. Фолкман. Установлено, что женщины с патологиями репродуктивной системы характеризуются повышенными показателями реактивной и личностной тревожности. Наиболее распространенными копинг-стратегиями являются поиск социальной поддержки, самоконтроль и планирование решения проблемы. Корреляционный анализ выявил статистически значимые взаимосвязи между уровнем тревожности и предпочитаемыми копинг-стратегиями. Полученные результаты подтверждают значимость психологического сопровождения женщин с нарушениями репродуктивного здоровья и необходимость учета особенностей их совладающего поведения при организации психологической помощи.

Abstract

The article is devoted to the study of coping behavior characteristics in women with various reproductive system pathologies. The relevance of the study is determined by the high prevalence of gynecological diseases and their impact on women's psychological well-being. The aim of the study was to identify the characteristics of coping behavior in women with various reproductive system pathologies. The study involved 60 women diagnosed with uterine fibroids, endometriosis, polycystic ovary syndrome, and chronic inflammatory pelvic diseases. The State-Trait Anxiety Inventory by C.D. Spielberger, adapted by Yu. L. Khanin, and the Ways of Coping Questionnaire by R. Lazarus and S. Folkman were used for psychological assessment. The results demonstrated that women with reproductive system pathologies showed elevated levels of both state and trait anxiety. The most frequently used coping strategies were seeking social support, self-control, and planful problem solving. Correlation analysis revealed statistically significant relationships between anxiety levels and preferred coping strategies. The findings emphasize the importance of providing psychological support for women with reproductive health disorders and taking into account the characteristics of coping behavior when developing psychological intervention programs.

Ключевые слова: патологии репродуктивной системы, совладающее поведение, копинг-стратегии, тревожность, психологическая адаптация, женское здоровье, психологическое сопровождение, стресс, репродуктивное здоровье.

Keywords: reproductive system pathologies, coping behavior, coping strategies, anxiety, psychological adaptation, women's health, psychological support, stress, reproductive health.

Введение

Сохранение репродуктивного здоровья женщин является одной из актуальных задач современной медицины и психологии. В последние годы отмечается рост распространенности гинекологических заболеваний, таких как миома матки, эндометриоз, синдром поликистозных яичников и хронические воспалительные заболевания органов малого таза [7]. Данные патологии оказывают влияние не только на физическое состояние женщины, но и на ее эмоциональное благополучие, систему межличностных отношений,

качество жизни и психологическую адаптацию в целом. Для многих женщин постановка гинекологического диагноза становится значимым стрессовым событием, сопровождающимся переживаниями тревоги, страха, неопределенности относительно прогноза заболевания и возможных последствий для репродуктивного здоровья.

В подобных условиях особое значение приобретают способы совладания со стрессом, которые позволяют личности адаптироваться к изменившимся жизненным обстоятельствам и сохранять психологическое благополучие. Несмотря на значительное внимание исследователей к роли стресса в возникновении и течении нарушений репродуктивной системы, в настоящее время все больший интерес вызывает изучение способов совладания со стрессовыми ситуациями, поскольку именно копинг-стратегии во многом определяют успешность психологической адаптации женщины к заболеванию [8]. В современной психологии проблема совладающего поведения рассматривается в рамках концепции копинга, разработанной Р. Лазарусом и С. Фолкман [3].

Согласно данной концепции, копинг представляет собой совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих усилий личности, направленных на преодоление стрессовой ситуации или снижение ее негативного воздействия. Выбор тех или иных копинг-стратегий оказывает существенное влияние на эмоциональное состояние человека, его способность адаптироваться к заболеванию и эффективность преодоления жизненных трудностей. Существует консенсус, что продуктивные копинг-стратегии оказываются более эффективными для совладания с болезнью и сохранения качества жизни [6]. Крюкова Т.Л. определяет совладающее поведение как целенаправленное поведение личности, позволяющее справляться со стрессом способами, адекватными особенностям ситуации и индивидуальным характеристикам человека, подчеркивая ведущую роль субъектных характеристик личности [4].

Несмотря на наличие исследований, посвященных психологическим особенностям женщин с гинекологическими заболеваниями, вопросы совладающего поведения данной категории пациенток остаются недостаточно изученными. Особый интерес представляет выявление взаимосвязи между уровнем тревожности и предпочитаемыми копинг-стратегиями, поскольку именно данные показатели во многом определяют успешность психологической адаптации к заболеванию. В связи с этим актуальным является изучение особенностей совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы, а также выявление наиболее распространенных стратегий преодоления стрессовых ситуаций, связанных с заболеванием. Гинекологические заболевания нередко сопровождаются эмоциональным напряжением, переживаниями тревоги, снижением качества жизни и необходимостью длительной адаптации к изменившимся условиям жизни.

Важным фактором психологической адаптации к заболеванию выступают копинг-стратегии, определяющие способы преодоления стрессовых ситуаций и эмоциональных переживаний.

Исследователи отмечают, что успешная психологическая адаптация женщин к нарушениям репродуктивного здоровья связана с использованием активных стратегий совладания, направленных на анализ и решение проблемы, сохранением надежды и наличием эмоциональной поддержки. В свою очередь, избегание проблемы, подавление эмоциональных переживаний и высокий уровень тревожности ассоциируются с менее

благоприятной психологической адаптацией и снижением активности в преодолении трудной жизненной ситуации [1] Цель исследования: изучить особенности совладающего поведения и уровень тревожности женщин с различными патологиями репродуктивной системы.

Гипотеза. Предполагается, что существует взаимосвязь между уровнем тревожности женщин с патологиями репродуктивной системы и предпочитаемыми ими способами совладания со стрессом.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 60 женщин в возрасте от 20 до 45 лет, имеющих различные патологии репродуктивной системы и проходящих лечение в условиях женской консультации. Каждая диагностическая группа включала по 15 человек. В выборку вошли женщины с миомой матки, эндометриозом, синдромом поликистозных яичников и хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза. С целью изучения уровня тревожности использовалась шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера-Ю.Л. Ханина. Для исследования особенностей совладающего поведения применялся опросник способов совладания со стрессом Р. Лазаруса и С. Фолкман.

Для статистической обработки результатов использовались методы описательной статистики (M, SD). Для оценки различий между исследуемыми группами применялся t-критерий Стьюдента. Для анализа взаимосвязи между уровнем тревожности и предпочитаемыми копинг-стратегиями использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS Statistics. Статистически значимыми считались различия при $p \leq 0,05$.

На первом этапе исследования был проведен анализ уровня тревожности у женщин с различными патологиями репродуктивной системы. Результаты представлены в табл.1.

Таблица 1.

Уровень тревожности у женщин с различными патологиями репродуктивной системы

Диагноз	Реактивная тревожность	Личностная тревожность
Миома матки	44,2	46,3
Эндометриоз	48,7	50,2
СПКЯ	46,5	47,8
Хронические воспалительные заболевания органов малого таза	47,9	49,1

Анализ результатов показал, что наиболее высокий уровень реактивной и личностной тревожности наблюдается у женщин с эндометриозом (48,7 и 50,2 балла соответственно) и хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза (47,9 и 49,1 балла). Несколько более низкие показатели тревожности выявлены у женщин с синдромом поликистозных яичников (46,5 и 47,8 балла). Наиболее низкий уровень тревожности отмечен у женщин с миомой матки (44,2 и 46,3 балла). Полученные данные могут быть связаны с хроническим течением заболевания, болевым синдромом, необходимостью длительного лечения и опасениями относительно репродуктивного здоровья.

С целью изучения особенностей совладающего поведения женщин с патологиями репродуктивной системы были проанализированы показатели копинг-стратегий по методике Р. Лазаруса и С. Фолкман [5]. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2.**Средние показатели копинг-стратегий по методике Р. Лазаруса и С. Фолкман**

Копинг-стратегия	Средний балл
Поиск социальной поддержки	14,8
Самоконтроль	13,9
Планирование решения проблемы	13,4
Принятие ответственности	12,6
Положительная переоценка	12,2
Дистанцирование	11,5
Конфронтация	10,8
Избегание	10,4

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее распространенными стратегиями совладания являются поиск социальной поддержки (14,8 балла), самоконтроль (13,9 балла) и планирование решения проблемы (13,4 балла). Это позволяет предположить, что женщины с патологиями репродуктивной системы стремятся обсуждать возникающие трудности с близкими людьми, получать эмоциональную поддержку и активно искать способы преодоления сложившейся ситуации. Несколько реже использовались стратегии принятия ответственности (12,6 балла) и положительной переоценки (12,2 балла). Наименьшие показатели были выявлены по стратегиям избегания (10,4 балла) и конфронтации (10,8 балла). Вместе с тем наличие показателей по стратегиям дистанцирования (11,5 балла) и избегания свидетельствует о том, что часть обследуемых испытывает трудности в принятии заболевания и эмоциональной переработке связанных с ним переживаний.

Для более детального анализа были изучены особенности совладающего поведения в зависимости от диагноза. С целью выявления специфики совладающего поведения у женщин с различными гинекологическими заболеваниями были проанализированы наиболее предпочитаемые копинг-стратегии в каждой диагностической группе. Результаты исследования представлены в таблице 3.

Таблица 3.**Предпочитаемые копинг-стратегии у женщин с различными патологиями репродуктивной системы**

Диагноз	Доминирующие копинг-стратегии
Миома	Планирование решения проблемы, самоконтроль
Эндометриоз	Поиск социальной поддержки, самоконтроль
СПКЯ	Самоконтроль, положительная переоценка
Хронические воспалительные заболевания органов малого таза	Поиск социальной поддержки, дистанцирование

Как видно из данных таблицы 3, для женщин с различными патологиями репродуктивной системы характерны различия в предпочитаемых способах совладания со стрессовыми ситуациями. Так, женщины с миомой матки чаще используют стратегии планирования решения проблемы и самоконтроля, что свидетельствует о стремлении к рациональному анализу ситуации и сохранению эмоциональной устойчивости. У женщин с эндометриозом преобладают стратегии поиска социальной поддержки и самоконтроля, что может быть связано с необходимостью получения эмоциональной поддержки в условиях хронического течения заболевания. Для пациенток с синдромом поликистозных яичников характерно сочетание самоконтроля и положительной переоценки ситуации, что свидетельствует о стремлении адаптироваться к заболеванию посредством поиска позитивного смысла происходящего. Женщины с хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза чаще используют стратегии поиска социальной поддержки и дистанцирования. Подобные особенности могут указывать на стремление снизить эмоциональное напряжение путем обращения за поддержкой окружающих и временного ухода от переживания стрессовой ситуации. Для глубокого понимания психологических особенностей женщин с различными патологиями репродуктивной системы был проведен корреляционный анализ между показателями тревожности и предпочитаемыми копинг-стратегиями. Анализ осуществлялся с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, который позволяет определить направление и силу взаимосвязи между исследуемыми показателями. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4.

**Корреляционный анализ взаимосвязи уровня тревожности и копинг-стратегий
Спирмена**

Копинг-стратегия	Реактивная тревожность	p	Личностная тревожность	p
Конфронтация	0,24	>0,05	0,28	<0,05
Дистанцирование	0,35	<0,01	0,39	<0,01
Самоконтроль	-0,18	>0,05	-0,21	>0,05
Поиск социальной поддержки	-0,31	<0,05	-0,34	<0,01
Принятие ответственности	-0,14	>0,05	-0,17	>0,05
Избегание	0,47	<0,001	0,51	<0,001
Планирование решения проблемы	-0,38	<0,01	-0,41	<0,01
Положительная переоценка	-0,29	<0,05	- 0,33	<0,01

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимых взаимосвязей между уровнем тревожности и особенностями совладающего поведения женщин с различными патологиями репродуктивной системы. Установлено, что повышение уровня реактивной и личностной тревожности сопровождается более частым использованием неадаптивных копинг-стратегий, прежде всего избегания и дистанцирования. В то же время более низкие показатели тревожности связаны с предпочтением конструктивных способов совладания, таких как планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и положительная переоценка ситуации. Полученные

результаты подтверждают, что характер совладающего поведения тесно связан с эмоциональным состоянием женщин и играет важную роль в процессе психологической адаптации к заболеванию.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что особенности совладающего поведения могут различаться в зависимости от характера гинекологического заболевания и специфики его психологического восприятия женщиной.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что женщины с различными патологиями репродуктивной системы характеризуются повышенным уровнем тревожности и используют различные способы совладания со стрессовыми ситуациями, связанными с заболеванием.

Наиболее высокие показатели ситуативной и личностной тревожности были выявлены у женщин с эндометриозом и хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза. Данный факт может быть обусловлен хроническим характером течения заболеваний, выраженным болевым синдромом, необходимостью длительного лечения и неопределенностью прогноза. Полученные данные согласуются с результатами исследований, указывающих на высокий уровень эмоционального напряжения у пациенток с хроническими гинекологическими заболеваниями [8].

Анализ копинг-поведения показал, что наиболее распространенными стратегиями совладания являются поиск социальной поддержки, самоконтроль и планирование решения проблемы. Использование данных стратегий можно рассматривать как относительно адаптивный способ реагирования на стрессовую ситуацию заболевания. Обращение за социальной поддержкой способствует снижению эмоционального напряжения, а планирование решения проблемы позволяет сохранять субъективное ощущение контроля над происходящими событиями.

Вместе с тем у части обследованных женщин были выявлены стратегии дистанцирования и избегания. Подобные формы совладания могут выполнять защитную функцию на начальных этапах переживания заболевания, однако при длительном использовании способны затруднять процесс психологической адаптации и снижать эффективность преодоления стрессовой ситуации.

Полученные результаты согласуются с данными исследований, согласно которым адаптивное отношение к нарушениям репродуктивной системы характерно для женщин, убежденных в значимости собственной личности, возможности контролировать жизненные обстоятельства и процесс лечения, а также получать эмоциональную поддержку от окружающих. Вероятно, именно этим можно объяснить высокие показатели стратегии поиска социальной поддержки у обследованных женщин [10].

Преобладание данных стратегий может свидетельствовать о стремлении женщин к сохранению психологического равновесия и активному преодолению трудностей, связанных с заболеванием. Вместе с тем наличие стратегий дистанцирования и избегания у части обследованных указывает на существование определенных трудностей

психологической адаптации к заболеванию. Полученные результаты подтверждают положения концепции Р. Лазаруса и С. Фолкман о значимой роли копинг-стратегий в процессе адаптации личности к стрессовым жизненным обстоятельствам.

Следует учитывать, что исследование проводилось на ограниченной выборке женщин, что требует дальнейшего изучения выявленных закономерностей на более репрезентативных выборках.

Выводы исследования

1. У женщин с различными патологиями репродуктивной системы выявлен умеренно высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, что свидетельствует о наличии выраженного эмоционального напряжения, связанного с заболеванием и процессом лечения.

2. Наиболее высокий уровень тревожности отмечен у женщин с эндометриозом и хроническими воспалительными заболеваниями органов малого таза.

3. В структуре совладающего поведения обследованных женщин преобладают такие копинг-стратегии, как поиск социальной поддержки, самоконтроль и планирование решения проблемы.

4. Установлены различия в предпочитаемых копинг-стратегиях у женщин с различными патологиями репродуктивной системы. Для женщин с миомой матки более характерны стратегии планирования решения проблемы и самоконтроля, тогда как женщины с эндометриозом чаще ориентированы на поиск социальной поддержки.

5. Полученные результаты свидетельствуют о наличии особенностей совладающего поведения у женщин с различными патологиями репродуктивной системы, которые необходимо учитывать при организации психологической помощи данной категории пациенток.

Список литературы

1. Битюцкая Е.В., Воронцова Е.В. Особенности восприятия репродуктивных трудностей у женщин с разной направленностью копинга // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 2.
2. Гончаренко А.С., Куфтяк Е.В. Личностные характеристики женщин, когнитивные особенности и стратегии совладания при угрозе здоровью. Медицинская психология в России. 2024;16(4):2–9.
3. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. – Кострома: КГУ, 2010.
4. Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29.
5. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Журнал практического психолога. – М.: 2007. № 3. – С. 93–112.
6. Кузьмин М.Ю., Марянян А.Ю., Сутурина Л.В. Стратегии совладающего поведения и качество жизни женщин с различными соматическими расстройствами. Доктор.Ру. 2023;22(1):76–85.

7. Рябова М.Г. Индивидуально-психологические особенности женщин с различными типами нарушений репродуктивной функции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 9.
8. Филиппова Г.Г. Психологические аспекты вспомогательных репродуктивных технологий: обзор зарубежных и Российских исследований // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11, № 1.
9. Ю.А. Зайцев, А.А. Хван. Стандартизация методик диагностики тревожности Спилбергера-Ханина и Дж. Тейлор // Психологическая диагностика. – 2011. – № 3.
10. Юсупов П., Мардасова Т. Отношение к болезни и стратегии совладающего поведения у женщин с расстройствами репродуктивной системы в контексте актуальных базисных убеждений // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. – 2019. – Т. 1, № 3.

References

1. Bityutskaya E.V., Vorontsova E.V. [Features of Perception of Reproductive Difficulties in Women with Different Coping Orientations] // Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal. – 2023. – No. 2. (In Russ.)
2. Goncharenko A.S., Kuftyak E.V. [Personality Characteristics of Women, Cognitive Features and Coping Strategies in the Face of Health Threats. Medical Psychology in Russia. 2024;16(4): 2–9] (In Russ.)
3. Kryukova T.L. [Methods for Studying Coping Behavior: Three Coping Scales. Kostroma: KSU, 2010] (In Russ.)
4. Kryukova T.L. [Human as a Subject of Coping Behavior] // Psikhologicheskij zhurnal. – 2008. – Vol. 29. (In Russ.)
5. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. [Questionnaire of Coping Methods (Adaptation of the WCQ Methodology)] / Zhurnal prakticheskogo psikhologa. – M.: 2007. № 3. – S. 93–112 (In Russ.)
6. Kuz'min M.Yu., Maryanyan A.Yu., Suturina L.V. [Coping Behavior Strategies and Quality of Life in Women with Various Somatic Disorders. Doctor.Ru. 2023;22(1):76–85] (In Russ.)
7. Ryabova M.G. [Individual-Psychological Characteristics of Women with Various Types of Reproductive Function Disorders] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2013. – No. 9. (In Russ.)
8. Filippova G.G. [Psychological Aspects of Assisted Reproductive Technologies: A Review of Foreign and Russian Research] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. – 2022. – Vol. 11, No. 1. (In Russ.)
9. [Zaytsev, A.A. Khvan. Standardization of Anxiety Diagnostic Methods by Spielberger-Khanin and J. Taylor] // Psikhologicheskaya diagnostika. – 2011. – No. 3. (In Russ.)
10. Yusupov P., Mardasova T. [Attitude Toward Illness and Coping Behavior Strategies in Women with Reproductive System Disorders in the Context of Actual Basic Beliefs] // Vestnik psikhologii i pedagogiki Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – Vol. 1, No. 3. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.07.2026

Статья принята к публикации: 31.07.2026

Статья опубликована: 08.08.2026

УДК 159.9+001.8

DOI: 10.32743/UniPsy.2026.146.8.23262

Методологическая культура в фокусе психологической безопасности авторских методов (психотехнологий)

Тюлин Андрей Сергеевич

независимый исследователь

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: tyulin.andrey@mail.ru

Methodological culture in the focus of psychological safety of author's methods (psychotechnologies)

Tyulin Andrey Sergeevich

Independent researcher

Russia, Moscow

Аннотация

В статье автором рассматривается проблема обеспечения психологической безопасности клиентов в условиях активного распространения авторских методов психологической помощи. Актуальность проведенного исследования обусловлена противоречием между высокой скоростью появления новых практических подходов и недостаточным уровнем их научной, методологической и этической экспертизы. Анализируются основные риски, которые возникают при использовании невалидизированных и методологически несостоятельных методов, включая возможность причинения психологического вреда, формирования зависимости от специалиста, ретравматизации и нарушения принципов профессиональной этики. Особое внимание уделяется роли методологической культуры психолога как внутреннего механизма профессиональной защиты, обеспечивающего критическую оценку методов, ориентацию на доказательность и ответственное принятие решений. В исследовании обосновывается необходимость развития рефлексивного подхода к профессиональной деятельности, основанного на сочетании научной строгости, этической ответственности и учета индивидуального контекста клиента. Проведенное исследование показало, что формирование методологической культуры способствует не только повышению качества психологической помощи, но и укреплению профессиональных стандартов в целом. Определены ключевые

Библиографическое описание: Тюлин А.С. Методологическая культура в фокусе психологической безопасности авторских методов (психотехнологий) // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2026. 8(146). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/23262>

направления ее развития, такие как: совершенствование психологического образования, внедрение механизмов независимой экспертизы методов и развитие практик профессиональной рефлексии.

Abstract

The article examines the issue of ensuring clients' psychological safety amid the rapid spread of author-developed methods in psychological practice. The relevance of the study is determined by the contradiction between the increasing rate of emergence of new practical approaches and the insufficient level of their scientific, methodological, and ethical assessment. The paper analyzes the main risks associated with the application of non-validated and methodologically inconsistent methods, including potential psychological harm, client dependency on specialists, retraumatization, and violations of professional ethical principles. Particular attention is paid to the role of psychologists' methodological culture as an internal mechanism of professional protection that ensures critical evaluation of methods, evidence-based decision-making, and ethical responsibility. The study substantiates the necessity of developing a reflective approach to professional activity based on the integration of scientific rigor, ethical awareness, and consideration of the individual client context. It is demonstrated that methodological culture contributes not only to improving the quality of psychological assistance but also to strengthening professional standards. The article identifies key directions for its development, including the improvement of psychological education, implementation of independent evaluation mechanisms for psychological methods, and promotion of professional reflection practices.

Ключевые слова: методологическая культура, авторские методы, авторские методики, психотехнологии, методологическая рефлексия.

Keywords: methodological culture, author's methods, author's techniques, psychotechnology, methodological reflection.

Введение

В современной психологической практике мы наблюдаем парадокс. С одной стороны – беспрецедентный рост новых авторских методов, отвечающих на острый социальный запрос. С другой – нарастающая латентная угроза психологической безопасности клиентов. Эта угроза возникает не на пустом месте. Ее источник – в системном отставании методологической экспертизы от скорости появления инноваций. Безопасность сегодня – это не просто отсутствие прямого вреда, а сохранение целостности и автономии личности в процессе вмешательства [8], и эта комплексная цель оказывается под ударом.

Этот разрыв между динамикой предложения и качеством экспертизы создает питательную среду для распространения методик-однодневок. Они возникают как реакция на моду или коммерческий тренд, минуя стадию серьезной научной рефлексии. В результате психолог-практик, стремящийся быть эффективным и востребованным, оказывается перед сложным выбором в условиях дефицита времени и качественных ориентиров.

Цель нашего исследования заключается в теоретическом анализе угроз психологической безопасности при применении авторских методов в современной психологической практике и обосновании роли методологической культуры психолога как ключевого механизма обеспечения научной обоснованности, этической ответственности и эффективности профессиональных интервенций.

Материалы и методы

В исследовании использованы методы теоретического анализа и обобщения научной литературы в области психологии, методологии профессиональной деятельности, этики психологической помощи и доказательного подхода. Материалами исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам валидности психологических методов, критериев научности, профессиональной компетентности и обеспечения психологической безопасности клиентов. В работе применялись методы сравнительного анализа и систематизации данных.

Результаты и обсуждения

Проблема в том, что ключевые угрозы носят сущностно методологический характер. Это не технические огрехи, а фундаментальные изъяны. Во-первых, подмена научного познания спекулятивными конструкциями, апелляция к авторитету, а не к проверяемым принципам, что прямой дорогой ведет к потенциальному ущербу [12]. Во-вторых, грубые методологические ошибки при создании методов: эклектичное смешение несовместимых парадигм, игнорирование этапов строгой валидации. Результат – внутренне противоречивые методики, чье применение становится лотереей [6, 11]. В-третьих, тотальная коммерциализация, порождающая «исследовательские пузыри» и подменяющая этику маркетингом [12]. Все это – симптомы одного глубинного кризиса, который Ф.Е. Василюк метко назвал «методологическим схизисом», разрывом между исследовательской мыслью и практическим действием [2].

Этот разрыв порождает эффект профессионального «вавилонского столпотворения», когда психологическое сообщество перестает быть единым полем диалога. Вместо общего языка методологии формируются изолированные диалекты отдельных школ и направлений, что делает невозможной содержательную дискуссию о качестве и границах применимости техник. Практик оказывается замкнут в рамках выбранного подхода, лишенный инструментов для его критической оценки извне, что лишь усугубляет ситуацию методологической изоляции и воспроизводит порочный круг недоверия к экспертизе как таковой.

Этот концептуальный разрыв и последовавшая за ним профессиональная разобщенность имеют далеко идущие последствия, которые проявляются не в абстрактных дискуссиях, а в конкретной реальности кабинета психолога. Методологические ошибки транслируются в прямой ущерб для клиента, приобретая форму клинических и этических осложнений. Так, применение техник, основанных на спекулятивных или псевдонаучных предпосылках, не только не решает заявленных проблем, но и может привести к ретравматизации, закреплению дисфункциональных убеждений или формированию

ипохондрических реакций [12]. Клиент, не получив обещанного облегчения, часто интерпретирует неудачу как собственную неспособность «исцелиться», что усугубляет чувство вины и безнадежности.

На уровне этики методологическая несостоятельность открывает дорогу злоупотреблениям. Отношения «клиент-гуру», культивируемые вокруг догматизированного авторского метода, подрывают автономию и критическое мышление обратившегося за помощью, создавая патологическую зависимость от фигуры терапевта. Особенно разрушительны такие последствия при работе с уязвимыми категориями – жертвами насилия, людьми в остром кризисе, несовершеннолетними. Использование в их случае невалидизированных методов является грубейшим нарушением принципа «не навреди», так как эксплуатация доверия и надежды здесь наиболее вероятна. Дефицит методологической культуры напрямую способствует этической эрозии профессии, подменяя ответственность перед клиентом риторикой об исключительности и инновационности.

Логичным ответом на этот вызов становится не ужесточение внешнего контроля, а воспитание внутреннего иммунитета – методологической культуры психолога. Это не набор абстрактных знаний, а целостный способ профессионального мышления [6], своего рода многослойная архитектура защиты. Ее фундамент – критическая рефлексия, способность вскрывать имплицитные предпосылки любого метода и отличать научное от псевдонаучного [4, 7]. На этой основе строится нормативное знание – понимание железных критериев научности: верифицируемости, фальсифицируемости, воспроизводимости. Именно они служат фильтром для отсева невалидизированных разработок [11, 12]. Следующий слой – практическая ориентация на доказательность, то есть принятие решений на основе триады: данные исследований, экспертный консенсус и контекст конкретного случая [11]. И все это венчает этическая регуляция, основанная на рефлексии, – когда благополучие клиента становится не декларацией, а следствием осознанных границ метода и собственной компетентности [2, 9, 8].

Методологическая культура работает не как барьер, а как интеллектуальная иммунная система. Она не отвергает новое, но обеспечивает его ассимиляцию – осмысленное усвоение, при котором инновация проверяется на прочность, интегрируется в существующее знание и обретает четкие границы применимости. Эта внутренняя работа трансформирует профессиональную позицию психолога: из пассивного пользователя готовых решений он становится активным аналитиком и со-творцом метода, способным адаптировать его к уникальной ситуации клиента, не нарушая научной строгости.

Другим практическим инструментом выступает рефлексивная карта случая, используемая как в планировании, так и в разборе проведенной работы. Она фиксирует не только динамику клиента, но и методологические основания выбранных интервенций, причины смены стратегий, возникавшие этические дилеммы и эпистемологические сомнения. Этот документ становится основой для содержательной супервизии, фокусирующейся не на поиске «правильной» техники, а на анализе логики принятия решений. Подобные практики трансформируют методологическую культуру из абстрактного концепта в живую ткань профессиональной деятельности, где каждый шаг осмыслен, проверяем и потенциально может быть подвергнут конструктивной критике. Именно на этом

уровне происходит окончательная сборка «интеллектуальной иммунной системы» специалиста, способной не только распознавать угрозы, но и активно выстраивать безопасное пространство терапевтической работы.

Однако такая культура не возникает по желанию. Ее нужно целенаправленно выращивать, и это задача системного уровня. Образование должно радикально измениться: уйти от пассивной передачи знаний к активной исследовательской практике, к разбору реальных кейсов – и блистательных синтезов, как схема-терапия [10, 13], и громких провалов. Профессиональному сообществу необходимо создать рабочие институты: стандарты описания методов, открытые реестры ошибок, систему независимой экспертизы, встроенную в этические кодексы [12]. И, наконец, это личный путь психолога – путь научной честности, где сомнение становится инструментом, а рефлексивные практики – ежедневной нормой [11].

Эта трехмерная работа – образовательная, институциональная и личная – постепенно формирует новую профессиональную экосистему. В ее центре оказывается не отдельный специалист или школа, а саморегулирующаяся среда, где знание постоянно производится, критически проверяется и этически осмысливается. Такая среда начинает работать как распределенная система обеспечения безопасности: ошибки, совершенные одним, становятся уроком для многих, а успешные находки проходят коллективную верификацию.

Проблема психологической безопасности при использовании авторских методов раскрывает центральное противоречие современной практики: напряженность между стихийным, рыночным производством инноваций и требованиями научной обоснованности и этической ответственности. Как показал анализ, попытки решить это противоречие через внешний контроль или набор запретов обречены на неэффективность, так как корень угроз лежит не во внешней среде, а во внутренней, когнитивной организации самой профессии.

Единственным устойчивым решением является системное воспитание методологической культуры как профессионального иммунитета. Эта культура, интегрирующая критическую рефлексия, строгость научных критериев, принципы доказательности и этическую осмысленность, трансформирует саму природу профессионального действия.

Заключение

Следовательно, стратегическая задача развития психологии лежит сегодня не в плоскости создания еще большего числа методов, а в укреплении методологического фундамента, на котором они могут быть надежно возведены. Это требует консолидированных усилий по трем направлениям: радикальной перестройки образования в сторону исследовательской практики, построения профессиональных институтов, работающих на прозрачность и экспертизу, и личного принятия ценности научной честности каждым специалистом.

Осуществление этого пути знаменует смену профессиональной парадигмы: переход от психологии как рынка услуг к психологии как ответственной научно-практической дисциплины. В этой новой реальности безопасность клиента гарантирована не обещаниями,

а самой архитектоникой профессионального мышления – скептического, рефлексивного и этически чуткого. Это и есть краеугольный камень будущего, в котором психологическая помощь будет синонимом не только эффективности, но и безусловной надежности.

Список литературы

1. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – Москва: Мысль, 1988. – [Электронный ресурс]. – 301 с. URL: <http://psyberia.ru/book/bratus.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).
2. Василюк, Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса / Ф.Е. Василюк [Электронный ресурс]. // Вопросы психологии. URL: <https://psy.su/feed/11067/> (дата обращения: 27.07.2026).
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – Москва: Смысл, 2005. – [Электронный ресурс]. – 1136 с. URL: <https://urait.ru/book/psihologiya-razvitiya-izbrannye-raboty-562567> (дата обращения: 27.07.2026).
4. Знаков В.В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания. – Москва, Когито-Центр. – 2020. – 257 с.
5. Карпов А.В. О некоторых закономерностях взаимосвязи мышления и метамышления [Электронный ресурс]. // Практическое мышление: теоретические основы и прикладные аспекты. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/117722/1/978-5-7996-3516-9_2022_080.pdf (дата обращения: 27.07.2026).
6. Корнилова, Т.В. Методологические основы психологии: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Т.В. Корнилова. – 2-е изд. – Москва: Юрайт, 2018. – [Электронный ресурс]. – 483 с. URL: <https://urait.ru/book/metodologicheskie-osnovy-psihologii-582691> (дата обращения: 27.07.2026).
7. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – Москва: Наука, 1984. – [Электронный ресурс]. – 444 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21179127> (дата обращения: 27.07.2026).
8. Львович В.А. Психологическая безопасность образовательной среды, ее виды и критерии [Электронный ресурс]. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-obrazovatelnoy-sredy-ee-vidy-i-kriterii> (дата обращения: 19.01.2026).
9. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. (Серия «Мастера психологии»). – [Электронный ресурс]. – 720 с. URL: http://elib.old.gnpbu.ru/text/rubinshteyn_osnovy-obshchey-psihologii_t1_1989/fs,1/ (дата обращения: 27.07.2026).
10. Янг, Дж. Э. Схема-терапия: практическое руководство / Дж. Э. Янг, Дж. С. Клоско, М.Э. Вейшар; пер. с англ. Т.О. Савиной. – 2-е изд. – Москва: Диалектика, 2020. – [Электронный ресурс]. – 436 с. URL: <https://studfile.net/preview/21493415/> (дата обращения: 27.07.2026).

11. Kazdin, A.E. Evidence-Based Psychotherapy: Where Practice and Research Meet / A.E. Kazdin. – Washington, DC: American Psychological Association, 2008. – [Электронный ресурс]. – 295 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/237250722_Evidence-Based_Psychotherapy_Where_Practice_and_Research_Meet?cf_chl_tk=KXKZpodbQ2WXTAYn3S0DiZuWrdSkzV2ABwXhBbPi_f8-1768850495-1.0.1.1-9rR7S5LHrA3yMLy4E3HamLkqgh.BoXXnTlGwnnulaVQ (дата обращения: 27.07.2026).
12. Lilienfeld, S.O. Science and Pseudoscience in Clinical Psychology / S.O. Lilienfeld, S.J. Lynn, J.M. Lohr. – 2nd ed. – New York: Guilford Press, 2014. – [Электронный ресурс]. – 550 с. URL: https://scottililienfeld.com/wp-content/uploads/2021/01/Science-and-Pseudoscience-in-Clinical-Psychology-Second-Edition-by-Scott-O.-Lilienfeld-PhD-Steven-Jay-Lynn-PhD-Jeffrey-M.-Lohr-Phd-Carol-Tavris-PhD-z-lib.org_.pdf (дата обращения: 27.07.2026).
13. Young, J.E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide / J.E. Young, J.S. Klosko, M.E. Weishaar. – New York: Guilford Press, 2003. – [Электронный ресурс]. – 436 с. URL: <https://www.guilford.com/excerpts/young.pdf?t=1> (дата обращения: 27.07.2026).

References

1. B.S. Bratus. Bratus', B.S. [Personality Anomalies] – 2026. – URL: <http://psyberia.ru/book/bratus.pdf>. (accessed 14.09.2026). (In Russ.)
2. Vasilyuk F.E. [The Methodological Meaning of Psychological Schizism] // Voprosy psikhologii.. – 2026. – URL: <https://psy.su/feed/11067/>. (accessed 14.09.2026). (In Russ.)
3. Vygotskij L.S. [Psychology of Human Development] //urait.ru/book/psihologiya-razvitiya-izbrannye-raboty-562567. (In Russ.)
4. Znakov V.V. [Psychology of the Possible: A New Direction in Understanding Research]. – Moskva, Kogito-Tsentr. – 257 s. – 2020. (In Russ.)
5. Karpov A.V. [On Some Regularities in the Relationship Between Thinking and Metathinking] // Prakticheskoe myshlenie: teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty.. – 2026. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/117722/1/978-5-7996-3516-9_2022_080.pdf. (accessed 14.09.2026). (In Russ.)
6. Kornilova T.V. [Methodological Foundations of Psychology: Textbook and Practical Guide for Undergraduate and Graduate Studies] //urait.ru/book/metodologicheskie-osnovy-psihologii-582691. (In Russ.)
7. Lomov B.F. [Methodological and Theoretical Problems in Psychology] //elibrary.ru/item.asp?id=21179127. (In Russ.)
8. L'vovich V.A. [Psychological Safety of the Educational Environment: Its Types and Criteria] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. (data obrashcheniya: 19.01.2026). – 2026. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-obrazovatelnoy-sredy-ee-vidy-i-kriterii>. (In Russ.)
9. Rubinshtejn S.L. [Foundations of General Psychology] //elib.old.gnpbu.ru/text/rubinshteyn_osnovy-obschey-psihologii_t1_1989/fs,1/. (In Russ.)

10. Vejshar M.E., Savinoj T.O. [Schema Therapy: A Practical Guide] //studfile.net/preview/21493415/. (In Russ.)
11. Kazdin A.E. Evidence-Based Psychotherapy: Where Practice and Research Meet. – Washington, DC: American Psychological Association, 2008. – 295 с. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237250722_Evidence-Based_Psychotherapy_Where_Practice_and_Research_Meet?cf_chl_tk=KXKZpodbQ2WXTAYn3S0DiZuWrdSkzV2ABwXhBbPi_f8-1768850495-1.0.1.1-9rR7S5LHrA3yMLy4E3HamLkqgh.BoXXnTlGwnnulaVQ (дата обращения: 27.07.2026).
12. Lilienfeld S.O. Science and Pseudoscience in Clinical Psychology / S.O. Lilienfeld, S.J. Lynn, J.M. Lohr. – 2nd ed. – New York: Guilford Press, 2014. – 550 с. – URL: <https://scottlilienfeld.com/wp-content/uploads/2021/01/Science-and-Pseudoscience-in-Clinical-Psychology-Second-Edition-by-Scott-O.-Lilienfeld-PhD-Steven-Jay-Lynn-PhD-Jeffrey-M.-Lohr-Phd-Carol-Tavris-PhD-z-lib.org.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).
13. Young J.E. Schema Therapy: A Practitioner's Guide / J.E. Young, J.S. Klosko, M.E. Weishaar. – New York: Guilford Press, 2003. – 436 с. – URL: <https://www.guilford.com/excerpts/young.pdf?t=1> (дата обращения: 27.07.2026).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

UNIVERSUM: ПСИХОЛОГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ

Электронный научный журнал

№ 8(146)

Август 2026 г.

Часть 1

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации (маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 92 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет

Дата размещения в сети Интернет: 08.08.2026

Журнал размещается в:

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

Google
scholar

ULRICHSWEB
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

>BASE

СОЦИОНЕТ

OpenAIRE

[Registry of Open Access
Repositories \(ROAR\)](#)